

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ»**

Новосибирск, 2011 г.

УДК 30
ББК 6/7
О 28

О 28 «Общественные науки в современном мире: социология, политология, философия, история»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (04 июля 2011 г.) – Новосибирск: Изд. «ЭНСКЕ», 2011. – 100 с.
ISBN 978-5-91711-045-5

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Общественные науки в современном мире: социология, политология, философия, история» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

ББК 6/7

ISBN 978-5-91711-045-5

Оглавление

Секция 1. Мировая политика	5
ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ОТНОШЕНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ОТ « НОВЫХ» ЛЕЙБОРИСТОВ К КОНСЕРВАТИВНО – ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОАЛИЦИИ (1997 - 2011 ГГ.)	5
Валуев Антон Вадимович	
РОЛЬ УКРАИНЫ В ВОСТОЧНОМ ВЕКТОРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ ЕС-РОССИЯ	11
Зарембо Екатерина Валерьевна	
Секция 2. Социология управления	20
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)	20
Кучма Ирина Зиновьевна	
Секция 3. Социология личности	24
САМООЦЕНКА КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ	24
Зернова Людмила Павловна	
Секция 4. Социология коммуникаций	33
ПРИМЕНЕНИЕ РЕКЛАМНЫХ СУВЕНИРОВ В ДЕЛОВОЙ И РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ	33
Чебыкина Ирина Витальевна	
Секция 5. Динамика современной культуры	39
КЛАДБИЩЕ ВЕЩЕЙ И ПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕКА. АНАЛИЗ КНИГИ Ж. БОДРИЙЯРА «СИСТЕМА ВЕЩЕЙ»	39
Пушков Александр Александрович	
Секция 6. Социальная философия	49
ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	49
Щербич Людмила Ивановна	

Секция 7. Онтология и теория познания	55
ИСТОЧНИКИ РЕАЛЬНОСТИ: СМЫСЛ, ТЕЛО, ПОНИМАНИЕ Пугачева Людмила Геннадиевна	55
Секция 8. История России	62
ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА НА СПЕЦИФИКУ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ Брызгалова Ирина Генриховна	62
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВНУТРЕННИЕ ЗАЙМЫ СССР 1930-х ГОДОВ Пинаев Сергей Михайлович	72
НАРОДОВОЛЬЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ 1888 – 1890 ГГ. Цымрина Татьяна Валерьевна	85
ПАРТИЙНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ РУКОВОДСТВО ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ В ЦЕНТРЕ И НА МЕСТАХ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ Чемоданова Татьяна Вячеславовна	95

СЕКЦИЯ 1. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ОТНОШЕНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ОТ «НОВЫХ» ЛЕЙБОРИСТОВ К КОНСЕРВАТИВНО – ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОАЛИЦИИ (1997 - 2011 ГГ.)

Валуев Антон Вадимович

*профессор РАЕ, к. и. н., старший преподаватель Кафедры
международных отношений Государственного университета
аэрокосмического приборостроения, г. Санкт - Петербург*

E-mail: avalouev@mail.ru, avalouev@yandex.ru

В 2012 году исполнится пятьдесят пять лет с момента подписания знаковых и фундаментальных для европейской интеграции Римских Договоров, благодаря которым впоследствии были образованы Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС, предшественник современного Европейского Союза) и Европейское Сообщество по атомной энергетике (ЕВРАТОМ). Грядущий юбилей неизбежно вызовет очередной волнообразный всплеск интереса к европейским делам во всём мире. Положительно, Россия не станет исключением из данной тенденции, и вскоре мы получим возможность увидеть множество новых, качественных, актуальных научных и публицистических материалов, посвященных истории, проблемам и перспективам европейской интеграции.

Очевидно, Европейский Союз обладает не только значительным потенциалом, но и глобальными политическими амбициями, постоянно стремится играть собственную, автономную роль на мировой арене и активно использует широкий арсенал механизмов для формирования европейской политики в отношении многих международных проблем. Со временем Союз планирует превратиться в один из ведущих альтернативных политических центров глобального значения.

В настоящее время Европейский Союз по мере сил и возможностей координирует и сближает интересы двадцати семи государств. Правом и обязанностью каждого участника блока является конструктивное национальное участие в коллегиальном процессе определения и реализации приоритетов внутренней и внешней политики Европейского Союза. Таким образом, можно отметить, что

оптимальный баланс национальных и коммунитарных интересов непосредственно влияет на конкурентоспособность проекта Единой Европы в условиях глобального мира, идущих процессов ослабления американского доминирования и формирования многополярной системы международных отношений.

Идея и логика развития глобальных процессов определяются сочетанием или, напротив, конфликтом локальных интересов отдельных, глобальных игроков. Именно по этой причине наиболее яркой приметой современности для нас являются прогрессирующие международная взаимозависимость и международная конкуренция, конечной и естественной целью которой является борьба за самосохранение, политический контроль и влияние в глобальном мире.

На старте завершающего и переломного для мира десятилетия двадцатого столетия международная конкуренция стала приобретать ранее несвойственный глобальный характер, наполняя прежнее содержание термина новым смыслом и содержанием. Принципиально новое идейное звучание конкуренции по времени с точностью до секунды совпало с началом исторически и политически резонансных процессов системных трансформаций в Европе и мире в целом, которые, с переменным успехом, продолжаются и в наши дни.

В сложнейшей системе координат постоянно меняющегося глобального мира, локальные, внутренние практические вопросы, в свою очередь, также приобретают качественно новое, глобальное звучание. В случае с Европейским Союзом, это комплекс вопросов, которые касаются степени заинтересованности и меры ответственности каждого отдельного государства - участника в развитии и укреплении внутренней и внешней политики. Эти политические сюжеты в настоящее время имеют первостепенное и стратегическое значение для пространства европейской интеграции.

Глобальный мир автоматически порождает и множество соответствующих глобальных проблем, которые ранее физически не претендовали на общемировой статус (здесь особенно выделим несбалансированное развитие отдельных стран и регионов, неконтролируемые миграционные процессы, организованную преступность и международный терроризм).

Принимая во внимание глобальный охват и количество угроз и вызовов современности, задача комплексного научного исследования опыта интеграции наиболее влиятельных политических игроков в истории Европейского Экономического Сообщества и Европейского

Союза представляется нам особенно интересной, востребованной и актуальной для Новой России.

В таких жестких условиях каждое национальное государство - как главная и исконная опора классической системы международных отношений - всеми силами стремится сохранить суверенитет, целостность и самобытность.

Российская Федерация, по известным геополитическим причинам, не осталась в стороне от опасностей, угроз и вызовов нового мира. В данном контексте, особенный интерес для нашей страны должен представлять аналогичный, глобальный политический опыт западных государств и сообществ.

Проблемы сохранения национальной идентичности и модернизации внутренней и внешней политики ведущих государств - отдельная сфера международных политических и стратегических исследований.

Более двух десятилетий в политической истории ведущих государств Европейского Союза происходят процессы частичного или комплексного обновления общественно - политических систем. Данные определяющие государственное, региональное и глобальное развитие процессы стали отражением кардинальных изменений в системе международных отношений. Прежде всего, с необходимостью скорректировать устоявшийся политический имидж - сохранив при этом статус, влияние и доверие традиционного электората - столкнулись все ведущие партийные системы государств Европейского Союза. Этот латентный процесс - в более размеренном темпе - продолжается, но озвучить первые итоги заявленной « модернизации » следует подвести именно сегодня, на фоне популярных аморфных дискуссий на глобальные темы.

По нашему убеждению, лучшим, наиболее ярким, спорным и показательным примером для практического осмысления сути глобальной проблематики в контексте исторической и политической эволюции Европейского Союза является пример современной Великобритании, в 1997 - 2011 гг.

Нельзя отрицать тот факт, что трансформация « старой » Лейбористской партии в середине 1990 - х годов изменила общественно - политический ландшафт Великобритании и стала принципиальным фактором в обновлении внутренней и внешней политики страны, в особенности - на традиционно важном, перспективном и сложном европейском направлении. Исторический опыт партии « новых » лейбористов и современный опыт консервативно - либеральной коалиции в плане редакции приоритетов

консервативной внешней политики и конкретные дискуссионные итоги глобальных преобразований в данной сфере, безусловно, достойны внимания и комплексного научного анализа.

За практически сорокалетний период британского участия в европейских делах в мире изменилось многое, но идейный фундамент национальной стратегии в отношении проекта Единой Европы остаётся твёрд - и это, определенно, внушает уважение.

Первого мая 2011 года исполнится четырнадцать лет исторической победе партии « новых » лейбористов под руководством полного амбиций Тони Блэра на всеобщих парламентских выборах в Великобритании.

Вскоре после блестящей победы первое Правительство « новых » лейбористов активно приступило к реализации предвыборных обещаний, и одним из первых пунктов в программе модернизации страны был поставлен ключевой вопрос о необходимости « возвращения в Европу ». Великобритания и её новый лидер должны были немедленно присоединиться к политической дискуссии об определении целей и магистральных направлений развития интеграции - вскоре должна была состояться первая модификация основополагающего Договора о Европейском Союзе. С приходом « новых » лейбористов правящая элита Великобритании получила отличную возможность перезагрузить контакты с Европой и отказаться от консервативно - изоляционистской политической стратегии в отношении Европейского Союза и европейской интеграции. По сути, в данный период « новые » лейбористы первыми предложили всем своим партнёрам по Европейскому Союзу начать более прогрессивный, открытый, динамичный диалог, созвучный видимым глобальным тенденциям современности.

В 1997 - 2001 годах европейская политика « Новой » Великобритании в полном соответствии с заявленными планами первого Правительства « новых » лейбористов переживала пик активности. Постепенно были сформированы контуры « обновлённой » системы стратегических приоритетов внешней политики и дипломатии Великобритании на европейском направлении. Их основное отличие от приоритетов консерваторов, с одной стороны, заключалось в стремлении активно участвовать в определении магистральных политических векторов европейской интеграции, а с другой - всячески подчеркивать транснациональный статус страны в структуре Европейского Союза и в глобальной системе международных отношений.

Нельзя не признать, что молодому и гиперактивному лидеру « новых » лейбористов удивительно вовремя удалось включиться в политический диалог с ведущими игроками Европейского Союза о проблемах и перспективах интеграции. В результате, Тони Блэр создал имидж проевропейски ориентированного политика и приобрел мировую известность, а его партия с настоящим громким триумфом вернулась в политическое поле не только Великобритании, но и Европейского Союза в целом.

Лейбористы быстро освоились с новой ролью и утвердились в качестве консолидированной силы, направляющей процессы заявленной Тони Блэром и его коллегами « модернизации » внутренней и внешней политики « Новой » Великобритании. Как только на сложном и историческом рубеже двадцатого - двадцать первого столетий « новые » лейбористы набрались сил, научились принимать решения на государственном уровне и выстраивать новый, глобальный диалог с окружающим глобальным миром, с ранее приоритетным европейским направлением незаметно и неотвратимо стали происходить качественные перемены. К сожалению, заметный европейский энтузиазм « новых » лейбористов начал незаметно стихать уже к исходу первого легислатурного срока. В течение второго и третьего периодов (2001 – 2005 гг., 2005 – 2010 гг.) ситуация с успехами на стратегическом европейском направлении в теории и на практике обернулась полным провалом. И для этого были объективные причины.

Первая причина - категорический и принципиальный конфликт интересов между Великобританией и лидирующим франко - германским тандемом в плане видения и определения стратегических целей институциональной реформы ЕС. « Новые » лейбористы, как и консерваторы в своё время (1979 – 1997 гг.), активно и последовательно выступали против форсированного развития европейской интеграции и превращения Европейского Союза в подобие мощного федеративного государства – империи [1].

Вторая причина - продолжающийся Иракский военный кризис, который стал самым известным символом неожиданного и резкого внешнеполитического демарша « Новой » Великобритании на ранее приоритетном европейском направлении. Главным оправданием для сильнейшего политического дрейфа в сторону оживления института « особых трансатлантических отношений », по официальной британской версии, была всемерная поддержка Администрации США в борьбе с международным терроризмом после событий 11 сентября 2001 года, в особенности, в Афганистане и на Ближнем Востоке.

Третья причина - отсутствие сильной, сплоченной оппозиции в британском Парламенте, способной сбалансировать агрессивный внешнеполитический курс лейбористов и переломить ситуацию в иную сторону.

И, наконец, четвертая причина - незаинтересованность правящего франко - британского тандема в альтернативных британских предложениях относительно институциональной реформы и лавинообразные проявления сложнейшего, внутривидового кризиса и идейного раскола Европейского Союза.

Итак, развитие « особых трансатлантических отношений » и политкорректный диалог о глобальных проблемах современности для высшей правящей элиты « Новой » Великобритании в итоге оказались более интересны, близки и политически выгодны, нежели предметное и сфокусированное участие в общем решении многих комплексных проблем европейской интеграции. Медленно меняющийся Европейский Союз, судя по всему, надолго уступил пальму первенства более эксклюзивной и сверхглобальной для Великобритании цели [3].

Повторимся, главной, неофициальной и тщательно закамуфлированной усилиями политтехнологов причиной « трансатлантического » политического дрейфа стал полный идейный коллапс внешней политики « нелейбористских » Правительств Тони Блэра и Гордона Брауна на « менее перспективном » и вновь потерянном для Великобритании европейском направлении.

Настоящей, скрытой причиной дрейфа в сторону « особых отношений » и глобальных сюжетов, очевидно, стали фундаментальные и непреодолимые разногласия по вопросам « общего » видения и понимания политических целей дальнейшего европейского строительства с Францией и Германией.

В завершении добавим, что крайне непопулярный в британском обществе Иракский кризис и недовольство глобально - мессианской внешней политикой фактически стали первопричиной поражения Лейбористской партии и Правительства Гордона Брауна на всеобщих парламентских выборах в мае 2010 года.

Пришедшие к власти консерваторы и либеральные демократы под руководством Дэвида Кэмерона и Ника Клегга (« странная коалиция ») за первый год правления не смогли вывести европейский диалог на новый уровень и пока заняли выжидательную позицию. В качестве оправдания своей пассивной европейской политики и продолжающегося сближения с США (в качестве примера идеально подходит набирающая обороты военная операция против опального режима М. Каддафи) молодая коалиция периодически ссылается на

необходимость первостепенного внимания к борьбе с весьма ощутимыми последствиями глобального финансово - экономического кризиса [2].

Список литературы:

1. Britain in Europe. A Constitutional Treaty for the EU. The British Approach to the European Union. L.: Foreign & Commonwealth Office, 2005.
2. Fifth Report. The EU Strategy for economic growth and the UK National Reform Programme. HL (House of Lords) 81. 25 January 2011.
3. Sixth Report. Global Security: UK - US Relations. HC (House of Commons) 114. 28 March 2010.

**РОЛЬ УКРАИНЫ В ВОСТОЧНОМ ВЕКТОРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ
ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ
ЕС-РОССИЯ**

Зарембо Екатерина Валерьевна

*аспирант Национального института стратегических
исследований, г. Киев, Украина*

E-mail: zaremba@iwp.org.ua

В условиях оживленной дискуссии об откате демократии в Украине, интриги переговоров о Зоне свободной торговли с Европейским Союзом и всеобщем отвлечении внимания от восточных соседей Европейского Союза (ЕС) на Северную Африку, ориентация Украины в сфере безопасности и обороны практически исчезла с повестки дня. С тех пор как Украина провозгласила «внеблоковый» статус в 2010 году, международное сотрудничество страны в сфере безопасности ускользало от внимания экспертов и политиков.

Тем не менее, этот вопрос вряд ли стоит упускать из виду. В течение многих лет Украина была партнером ЕС в сфере безопасности, в частности в сфере Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) ЕС. При этом, безопасность и оборона являются важными компонентами ее европейской интеграции. Однако, в настоящее время исследователи отмечают тревожную тенденцию: Европейский Союз, желая сохранить проевропейский вектор внешней политики Украины, стремится к сотрудничеству и сближению с Россией в сфере

безопасности, таким образом исключая Украину из зарождающейся европейской архитектуры безопасности.

Проблематика деятельности Украины в сфере Общей политики безопасности и обороны Европейского Союза описывалась в работах таких исследователей, как В. Горбулин [1], О. Литвиненко, О. Хилько [7], Я. Тимкив, Т. Сауляк, О. Скипальский, В. Хандогий, К. Кононенко. Общую политику безопасности и обороны ЕС в целом и ее восточный вектор в частности анализируют такие ученые, как В. Самохвалов [20], Б. Тонра, Р. Янгс, А. Хафф, Й. Бунстра и другие. Однако их наработки концентрируются либо на взаимодействии России и ЕС, либо на сотрудничестве Украины и ЕС в сфере ОПБО, не уделяя внимания влиянию одних двусторонних отношений на другие. Эта статья направлена на заполнение этого вакуума в российском, украинском и зарубежном политологическом дискурсе. Целью данной статьи является анализ сотрудничества Украины и России с Европейским Союзом в сфере безопасности и влияния российско-европейского взаимодействия на интеграцию Украины в европейское пространство безопасности и обороны.

На фоне «внеблокового» статуса Украины, который на законодательном уровне исключает интеграцию Украины в любой союз по безопасности и обороне (в частности, НАТО) [3], сотрудничество Украины и ЕС в сфере ОПБО приобретает дополнительное значение. Украина, как не член Европейского Союза, по определению не может быть частью ОПБО, но присоединение Украины к заявлениям и конвергенция ее политики с политикой ЕС может быть функциональным инструментом для европейского развития Украины.

С 2005 г. Украина имеет привилегированный статус в рамках ОПБО [17, с. 20]. Украина, вместе с Республикой Молдова (РМ), имеет право присоединяться к заявлениям и решениям ЕС в рамках Общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Этот механизм традиционно применяется к странам-кандидатам на членство в ЕС, чтобы у них было достаточно времени для адаптации к правилам и механизмам ОПБО, а также к Исландии, Норвегии и Лихтенштейну как членам Европейской экономической зоны. Право Украины на присоединение к декларациям ЕС в рамках Общей внешней политики и политики безопасности было подтверждено в Повестке дня ассоциации, временном соглашении между Украиной и ЕС, которое действует до вступления в силу Соглашения об ассоциации [13, с. 10]. Также Украина подписала Соглашение о процедурах безопасности, которые касаются обмена информацией с ограниченным доступом в

2005 г. В 2008 г. Парламент Украины ратифицировал Соглашение между Украиной и ЕС, которое регулирует участие Украины в операциях ЕС по кризисному урегулированию [12, с. 4].

На сегодняшний день Украина имеет позитивную историю присоединения к общим дипломатическим позициям ЕС: согласно отчету, представленного Кабинетом Министров Украины в марте 2010 г. по имплементации выполнения Повестки дня ассоциации Украина-ЕС, Украина присоединилась к 90% позиций ЕС (2322 из 2594-и) [15, с. 7]. В течение последующего года Украина продолжила политику присоединения: государство подписало под 423-мя заявлениями ЕС [22, с. 13].

Украина является одним из 14 третьих государств (вместе с Албанией, Анголой, Канадой, Чили, Хорватией, Македонией, Исландией, Черногорией, Новой Зеландией, Норвегией, Швейцарией, Турцией и США) и единственной из стран Восточного партнерства, которое принимает участие в текущих миссиях и операциях ЕС [11, с. 14]. В данный момент Украина принимает участие в полицейской миссии ЕС в Боснии и Герцеговине, а также в операции АТАЛАНТА.

Наряду с ЕС Украина настаивает на решении «замороженных» конфликтов в регионе на основе территориальной целостности Грузии, РМ и Азербайджана [9]. Кроме того, Украина играет одну из ключевых ролей в решении Приднестровского конфликта – проблемы, которая является приоритетной для сотрудничества Украины и ЕС в сфере внешней политики и политики безопасности. С 1994 г. Украина, так же, как и Россия, является посредником в Приднестровском конфликте – единственном «замороженном» конфликте, который находится непосредственно на границе с ЕС [6, с. 27]. Благодаря общей границе с Приднестровьем и значительной украинской общине в регионе Украина является жизненно необходимой для разработки плана по урегулированию конфликта. Именно Украина пригласила Европейский Союз и США стать наблюдателями в процессе урегулирования конфликта в формате «5+2» [6, с. 18]. Миссия ЕС по оказанию помощи на границах Республики Молдова и Украины была реализована по просьбе Украины и РМ.

Таким образом, по глубине сотрудничества в сфере безопасности с ЕС Украина является лидером среди восточных соседей Европейского Союза.

На таком фоне отношения России и ЕС в сфере безопасности кажутся гораздо более сложными. Официальная Москва никогда не

старалась синхронизировать свою внешнюю политику с ЕС – наоборот, ее политика часто шла вразрез с позицией ЕС.

Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии и предоставляет значительную экономическую поддержку Приднестровскому региону [2]. Россия также до сих пор не вывела свои войска из Приднестровья (согласно Стамбульским договоренностям 1999 года) и Грузии (после подписания с ней мирного договора в 2008 году при посредничестве Президента Франции Николя Саркози).

Кремль также критиковал Восточное партнерство, воспринимая восточный проект ЕС как угрозу «сфере привилегированных интересов» [8]. Отношения между Россией и ЕС существенно ухудшились после войны в Грузии в 2008 г., а Мониторинговая миссия ЕС в Грузии была начата как раз вследствие российско-грузинской войны. Как утверждают аналитики Института исследований в сфере безопасности Европейского Союза, «Брюссель и Москва занимают диаметрально противоположные позиции практически по всем вопросам, важным для глобальной безопасности» [19].

И все-таки Россия, а не Украина, является ключевым партнером в сфере безопасности для Европейского Союза. Стратегия безопасности ЕС определяет Россию как ключевого игрока, с которым он стремится к достижению отношений стратегического партнерства [21, с. 14]. С начала существования ОПБО в 1999 г. уже к 2001 г. Россия имела самые развитые отношения с ЕС в рамках ОПБО, чем любая другая третья страна. С того же времени Россия имеет ежемесячные консультации с Комитетом ЕС по вопросам политики и безопасности, главным органом принятия решений ОПБО [18, с. 1].

Сначала Россия отнеслась к ОПБО позитивно, видя в ней удобный формат сотрудничества, поскольку, в отличие от НАТО, ЕС не имела ни ресурсов, ни амбиций подчинить российские вооруженные силы. Однако вскоре Кремль начал выражать неудовольствие тем фактом, что, по его мнению, ЕС не видел в России равного партнера и не стремился к созданию общего консультационного формата [20, с. 21-22]. С другой стороны, Украина не возражала против синхронизации политических решений, усматривая в этом возможность показать себя как надежного партнера в вопросах безопасности. В июне 2010 г. генерал Хакан Сирен, председатель Военного комитета ЕС, упомянул о желании России играть роль «реального партнера» в миссиях ОПБО и указал на текущие переговоры об этом вопросе с Россией и Украиной [10, с. 1].

Такие переговоры пока что оказались плодотворными только для России. Рассмотрев предложение Президента России Дмитрия Медведева о новой европейской архитектуре безопасности, Германия выдвинула идею о Комитете Россия-ЕС по вопросам внешней политики и безопасности на уровне Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон и Министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова. Предложение обсудили во время встречи Канцлера Германии Ангелы Меркель и Президента Медведева в Мезеберге в 2010 г. [4]. В обмен на создание такого органа в Германии ожидали, что Россия приложит усилия к скорейшему урегулированию приднестровского конфликта. Несмотря на статус посредника, идентичный российскому, Украина не была приглашена к столу переговоров.

Спустя год, в проекте не наблюдается значительного прогресса из-за ряда причин. С одной стороны, 27 стран-членов ЕС не имеют согласованной позиции по Комитету. С другой стороны, Россия не согласна с предложенным порядком действий: Германия предлагает, чтобы Комитет был создан после российских шагов к урегулированию конфликта, а Россия предпочла бы решать приднестровский вопрос уже в рамках Комитета.

Официально Украина всецело поддерживает любые шаги, которые способствуют решению приднестровского конфликта при условии сохранения территориальной целостности РМ. Однако некоторые украинские дипломаты отмечают, что такой орган мог бы оказаться новой структурой безопасности в Европе и серьезно конкурировать с НАТО, ОБСЕ или ОПБО. Украина воспринимает ЕС как посредника между собой и Россией, поэтому если в какой-то момент Москва и Брюссель договорятся о совместном формате по вопросам безопасности, Украина не смогла бы защитить собственные интересы в этой сфере.

Запуск Европейской службы внешнеполитической деятельности после вступления в силу Лиссабонского договора не оказали значительного влияния на отношения Украины и ЕС в сфере безопасности. Украина не является приоритетом для Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон. Ее первый визит в Украину в новой должности оказался неблагоприятным для ее карьеры, поскольку она предпочла присутствовать на инаугурации Президента Украины Виктора Януковича 24 февраля 2010 года председательству на первом заседании министров обороны стран-членов ЕС после вступления в силу Лиссабонского договора [14]. Критика, которой министры

Европейского Союза подвергли леди Эштон, негативно сказала на ее дальнейшем диалоге с украинской стороной: ее следующий официальный визит в Украину, назначенный на 1-2 марта 2011 г., был отменен вследствие волны революций в Северной Африке и на Ближнем Востоке [5].

Однако, в 2010 году визиту Эштон в Киев предшествовал ее визит в Россию. Она также присутствовала на Саммите Россия-ЕС, который проходил в Ростове-на-Дону летом того же года и впоследствии имела несколько встреч с Сергеем Лавровым. Несмотря на разногласия по многим вопросам, начиная с проблемы соблюдения прав человека и заканчивая политикой по отношению к Ирану и «замороженным конфликтам» в Европе, Кэтрин Эштон и Сергей Лавров сделали совместное заявление по ситуации в Северной Африке и на Ближнем Востоке [16]. На сегодняшний день такие проявления партнерства недоступны для украинского политического руководства. Ключевая коммуникация между Украиной и ЭС проходит через Президента Европейской Комиссии Жозе Мануэля Баррозу и Комиссара ЕС по вопросам расширения и Европейской политики соседства Штефана Фюле, который, в отличие от леди Эштон, является в Киеве частым гостем.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Есть ли у Украины основания действительно беспокоиться по поводу сближения Россия-ЕС в сфере безопасности? Украинские дипломаты считают, что на сегодняшний день Украина глубже интегрирована в пространство безопасности ЕС, чем Россия. Они приветствуют сближение между ЕС и Россией, но обеспокоены тем, что оно может стать препятствием для отношений Украина-ЕС.

Трудно спорить с тем, что геополитический вес России и Украины очень отличается. Точно так же отличается и характер их отношений с ЕС в сфере безопасности: в то время как Россия может быть для ЕС только партнером, Украина надеется полностью интегрироваться в его структуры. Когда Украина и ЕС подпишут Соглашение об ассоциации, для официального Киева откроется больше возможностей сотрудничества с ЕС в сфере безопасности, в том числе финансовых. Украинское правительство может использовать их для продвижения сотрудничества в сфере безопасности, вплоть до преподнесения их как «истории успеха» в отношении Украина-ЕС.

В свою очередь, ЕС должен показать Украине, что его сотрудничество с Россией не влияет на прогресс в его отношениях с Украиной. Поскольку в сфере ОПБО сотрудничество с Украиной

длиться уже много лет, ЕС мог бы дать им хотя бы риторическую позитивную оценку. Это было бы эффективным и бесплатным способом, с одной стороны, повысить привлекательность ЕС в Украине, а с другой – продемонстрировать, что, несмотря на «внеблоковый» статус, Украина активно задействована в европейских проектах безопасности. Если ЕС ищет в восточном регионе истории успеха, привлечение Украины к созданию европейской архитектуры безопасности может быть путем к ним.

Список литературы:

1. Безпека України - 2010 : геополітичний вимір / Громадсько-політичне об'єднання "Український форум"; [під ред. В.П. Горбуліна, А.М. Зленка, Г.К. Крючкова, В.П. Семиноженка]. – Київ, 2007. – 128 с.
2. Гусев А. Долг Приднестровья за газ достиг 1,8 млрд. долларов / Новый Регион – Москва. – 23.12.2008 – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.nr2.ru/moskow/213606.html>
3. Закон України «Про засади внутрішньої та зовнішньої політики» від 01.07.2010 № 2411-VI // Верховна Рада України. – 2010. – 1 июля. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2411-17>
4. Меморандум по итогам встречи Президента России Д. Медведева и Федерального канцлера Германии А. Меркель 4–5 июня 2010 года, г. Мезеберг / Президент России. – 2010. – 5 июня. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/575
5. Сидоренко С. Визит Кэтрин Эштон в Киев сорвался из-за революций в Северной Африке / Коммерсантъ. – № 29. – 24.02.2011. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.kommersant.ua/doc.html?DocID=1590718&IssueId=7000697>
6. Сценарії розвитку придністровського конфлікту. Виклики Європейській безпеці // Інститут світової політики. – Київ, 2011. – 134 с.
7. Хилько О.Л. Безпековий потенціал Європейської політики сусідства // Актуальні проблеми міжнародних відносин: Збірник наукових праць / Київський нац. університет ім. Тараса Шевченка, Ін-т міжнародних відносин. – Київ, 2006. – Вип. 63, ч. 2. – С. 24-29.
8. Шеффер С. Россия и Восточное партнерство: от игры с нулевой суммой к позитивной сумме / Иносни.ру. Все, что достойно

- перевода. – 03.02.2010. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:
<http://www.inosmi.ru/europe/20100203/157957210.html>
9. Янукович: Україна буде втручатись у «заморожені конфлікти» / Інформаційне агентство «Регіональні новини». – 28.04.2011. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://regionews.com.ua/zakordonom/3426-yankovich?tmpl=component&print=1&page=>
  10. Bloching S. Parliamentary Update / SEDE Subcommittee. – 2010. – 24 June. – 4 p. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.isis-europe.org/pdf/2010_artrel_530_epupdate-sede-24june10.pdf
  11. Council Conclusions on CSDP / 3009th FOREIGN AFFAIRS Council meeting // Council of the European Union. – Luxembourg, 2010. – 26 April. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/113996.pdf
  12. Exchange of EU classified information (EUCI) with third States and international organisations // Information Note of the Council of the European Union / Council of the European Union. – Brussels, 2009. – 18 March. – 19 p.
  13. EU-Ukraine Association Agenda // European Commission – External Relations. – 2009. – 13 p. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.eeas.europa.eu/ukraine/docs/2010_eu_ukraine_association_agenda_en.pdf
  14. French minister lashes out at Ashton Ukraine visit / Euractiv.com – 26.02.2010. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.euractiv.com/en/foreign-affairs/french-minister-lashes-ashton-ukraine-visit-news-289533>
  15. Information on the EU-Ukraine Association Agenda implementation // Кабінет Міністрів України. – 2010. – 30 марта.
  16. Joint statement by EU High Representative Catherine Ashton and Mr Sergey Lavrov, Foreign Minister of Russia on the situation in North Africa and the Middle East // Press release / The Official Website of the European Union - Brussels, 2011. – 24 February. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=MEMO/11/118>

17. Lefevbre, M. France and the European Neighbourhood Policy. // Foreign Policy in Dialogue. The New Neighbourhood Policy of the European Union. – Volume 7. – Issue 19. – P. 17 – 25.
18. Rontoyanni C. Russian and Ukrainian Views of the European Security and Defense Policy // Colloque CERI. – 2002. – 1 July. – 6 p. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.ceri-sciencespo.com/archive/july02/colloque/papercr.pdf>
19. Russia // Institute for Security Studies. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.iss.europa.eu/research-areas/russia/russia/>
20. Samokhvalov V. Relations in the EU-Russia-Ukraine Triangle: “Zero-sum game” or not? // Occasional Paper # 68 / European Union Institute for Security Studies. – 2007 – 43 p.
21. A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. – Brussels, 2003. – 12 December. – 14 p. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf>
22. Third interim report by the civil society’s monitoring of implementation of EU-Ukraine association agenda priorities 2011 / The International Renaissance Foundation. – 2011. – 25 p.

СЕКЦИЯ 2. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Кучма Ирина Зиновьевна

аспирант, УАП г. Львов, Украина

E-mail: i.kuchma1@yahoo.com

Рассматривая потребление и потребительское поведение с точки зрения социологии, можно отметить, что эти понятия изучаются как в экономической социологии, так и в социологии потребления. Однако, существует существенное различие в обосновании этими отраслевыми социологическими теориями сферы потребления и процессов, происходящих в ее пределах. Так, В. Пилипенко отмечает, что социология потребления изучает деятельность в сфере потребления в системе ее разнообразных связей с социальными институтами, взаимодействием потребителей и их групп, функционированием системы ценностей, типов культур, а также культуру потребления; исследует социальные условия, типы и формы потребления, социально-экономические особенности функционирования домашних хозяйств, как базы потребления и т.д. В свою очередь, экономическая социология рассматривает потребление, отражая его как процесс удовлетворения потребностей, который непременно включен в систему экономических отношений, экономической деятельности потребителя, т.е. в сферу экономики семьи, домашнего хозяйства [4, с. 147]

Потребительское поведение - это активность, проявляющаяся людьми при выборе, оплате товаров и услуг, прекращается при удовлетворении человеческих потребностей и желаний [3, с. 1]

Подходы к пониманию потребительского поведения имеют достаточно глубокие исторические корни и прошли определенные этапы своего развития.

Так, немецкий социолог Г. Зиммель (1858-1918) выдвинул ключевые идеи теории моды, которые находят свое применение в практике маркетинговых исследований и в теории поведения потребителя. Мода одновременно предлагает и подражание, и индивидуализацию. Человек, следуя моде, отличает себя от других, и утверждает свою принадлежность к определенному классу или группе [1, с. 271-273]

М. Вебер (1864-1920) предложил концепцию статусных групп, которая утверждала, что на поведение потребителя влияют принадлежность к социальному классу и статус индивида. Социальный класс определялся как относительно устойчивое и однородное общественное образование, к которому можно отнести отдельных людей или семьи, имеющие схожие ценности, стиль жизни, интересы и поведение. Статусные группы отражают представление общества о стиле жизни каждого класса. М. Вебером было введено в научный оборот понятие «социального действия», в котором он выделял четыре типа:

1. целерациональное — когда предметы или люди трактуются как средства для достижения собственных рациональных целей. Субъект точно представляет цель и выбирает оптимальный вариант ее достижения. Это чистая модель формально-инструментальной жизненной ориентации, такие действия чаще всего встречаются в сфере экономической практики.

2. ценностно-рациональное — определяется осознанной верой в ценность определённого действия независимо от его успеха, совершается во имя какой-либо ценности, причем ее достижение оказывается важнее побочных последствий;

3. традиционное — определяется традицией или привычкой. Индивид просто воспроизводит тот шаблон социальной активности, который использовался в подобных ситуациях ранее им или окружающими.

4. аффективное — определяется эмоциями [2, с. 283-284].

Т. Парсонс (1902-1978) развил теорию социального действия в поведении потребителя, указывая, что социальное действие обладает рядом специфических качеств:

1) действие является целенаправленным процессом, то есть, имеет свое завершение,

2) действие протекает в определенной ситуации, некоторые компоненты которой существуют, но используются и другие в качестве средства достижения цели,

3) действие нормативно регулируется, что проявляется в индивидуальном выборе целей и средств;

4) социальное действие является базовой единицей социальной реальности.

Также Т. Парсонс, ввел в научный оборот понятие «социальный статус» (показатель состояния, которое занимает личность или группа в обществе) и «социальная роль» (модель поведения личности,

обусловленная ее статусом), которые нашли применение в маркетинговых исследованиях поведения потребителя [1, с. 152-155].

П. Сорокин (1889-1968) понимал под поведением совокупность поступков. По характеру психических переживаний все уступки и, соответственно, поведение он делит на три вида: разрешенное, рекомендованное, запрещенное поведение.

Каждый чужой акт воспринимается нами, вызывает у нас разные переживания и формы реагирования на них. Разрешенное поведение не вызывает у нас ни вражеских переживаний, ни особой симпатии. Например, продавец продает батон за две гривны, этот факт является для нас вполне нормальным, и ничего больше.

Другие переживания возникают в ответ на акты рекомендованные. Они вызывают привязанность, благодарность и любовь, симпатию и желание оказать такую же услугу. Акты запрещенные вызывают враждебные чувства. Рекомендуемые акты П. Сорокин называет подвигом или услугой, а реакцию на них другой стороны - наградой. Разрешенные акты вызывают соответствующую реакцию. Эти взгляды вполне применимы и к потребительскому поведению.

Экономист и социолог Т. Веблен (1857-1929) ввел в экономическую теорию понятие демонстративного (показного, престижного) потребления, которое означает, что товар используется не по своему прямому назначению, а с целью произвести впечатление на окружающих. Основным мотивом потребительского поведения, в данном случае, выступает демонстрация своего социального положения, а средством демонстрации статуса - высокая цена на товар, который потребляется. Этот стиль потребления, по мнению Т. Веблена, был характерен для так называемого «господствующего класса» - богатых американцев, которые пытались подражать высшему классу европейцев, но в отличие от него выставляли свое потребление напоказ. В экономической теории данное явление описано и проанализировано Т. Вебленом, оно называется «эффект Веблена», суть которого заключается в несоответствии реальной ситуации закону поведения и искажении картины рационального поведения «экономического человека».

В. Парето (1848-1923) разделяет человеческие действия на логические и нелогичные. Первые в социальной жизни довольно редки, доминируют другие. Логические действия основаны на соображениях, нелогичные - на чувствах, которые В. Парето интерпретирует довольно широко, включая в них мысли, установки, стереотипы. По его мнению, человек сначала действует, а потом

придумывает обоснования, рационализирует. Чувство - это глубинная основа человеческих действий наряду с инстинктами, интересами и вкусами [1, с. 424-426].

Поскольку, с расширением круга социальных контактов индивида, происходит снижение роли объективных признаков и размывание границ между социальными классами, доминирующим критерием социального деления становятся жизненные стили. В 1963 г. при изучении поведения потребителя В. Лазер ввел понятие «стиль жизни», под которым понимал особые модели деятельности, интересов и мнений, характерных для различных нужд, и привычные схемы распределения времени, ресурсов и восприятия, составляющих реальность жизни. Жизненный стиль, системное личностное образование, образует целостный образ человека и в большей или меньшей степени определяет все его жизненные проявления, в том числе, потребление товаров и услуг, поэтому данное понятие широко используется при анализе потребительского поведения.

Таким образом, социология потребительского поведения и распределение потребительских ролей рассматривается в зависимости от социального статуса, класса, референтных групп, стиля жизни.

Список литературы:

1. Арон Реймон Этапы развития социологической мысли / пер. с фр. Г. Филипчука. - М.: Юниверс, 2004. – 688 с.
2. Захарченко М.В., Погорелый А.И. История социологии (от античности до начала XX в.). М.: Просвещение, 1993. – 336 с.
3. Ложкин Г.В., Комаровская В.Л. Потребительское поведение // Практическая психология и социальная работа: научно-практический образовательный-методический журнал. - 2009. - № 4. - С. 1-10.
4. Экономическая социология: Навч.посібник / В.М. Ворона, В.Е. Пилипенко, В.И. Тарасенко и др.; Под ред. В.М. Вороны, В.Е. Пилипенко .. - М.: Институт социологии НАН Украины, 1997 – 273 С.

СЕКЦИЯ 3. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

САМООЦЕНКА КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Зернова Людмила Павловна

доцент, к. филос. н., Московский физико-технический институт (государственный университет), кафедра социально-политических наук, г. Долгопрудный, Московской области

E-mail: zlp55@yandex.ru

В условиях рыночной экономики одним из важнейших направлений деятельности современной высшей школы является формирование личностной зрелости, готовности молодежи к самореализации в профессиональной деятельности, а также способности молодых специалистов эффективно действовать на рынке труда.

Переход от обязательного распределения выпускников высших учебных заведений к отсутствию гарантий трудоустройства, приводит молодых людей к необходимости самостоятельно решать проблемы занятости. В складывающейся ситуации, вузы могут оказывать содействие своим выпускникам в получении необходимых знаний для адекватного понимания своих личностных ресурсов, эффективном выборе профессиональной деятельности, обучении студентов технологиям достижения успеха.

Результаты социологических исследований показывают, что в систему профессиональных ценностей современных студентов входит, во-первых, перспективная работа по специальности и, во-вторых, возможность карьерного роста. Одна из первых трудностей, с которыми встречаются современные выпускники вузов – поиск работы и успешное трудоустройство. Отсутствие навыков самопрезентации, незнание основных требований при трудоустройстве, растущая неуверенность в себе, провоцируют проблемы у большинства молодых людей, даже успешно окончивших вуз. Всё более утверждается понимание того, что от индивидуальной самореализации каждой личности зависит достижение персональных успехов в социальном и духовном пространстве.

Особая роль в решении таких проблем отводится преподаванию социологии и психологии личности, особенно в технических вузах. Проблема психологической готовности к успешному трудоустройству не исчерпывается формированием у студентов определенных, пусть

даже весьма значимых, теоретических знаний. Учебный курс социально-психологического блока гуманитарных дисциплин должен носить практически-ориентированный характер.

Следовательно, необходим междисциплинарный подход к изучению личности и её проблемам. Стремление к социально релевантной психологии и социологии человека, несомненно, будет влиять на плодотворность и осмысленность человеческой деятельности. Следствием этой тенденции к большей вовлечённости в конкретный мир человеческих дел может быть то, что направления теорий личности будут более эклектичными, чем те, которые известны нам сегодня.

Каждая личность уникальна, по-своему воспринимает и формирует отношения с внешним миром. У каждого есть свои ограничения, достоинства и недостатки, человек порой сам себе создаёт проблемы и жизненные сложности. Психологи называют их установками. Некоторые установки являются для человека своеобразным стержнем, который поддерживает личность, делает ее сильнее. Другие – мешают личностному саморазвитию и эффективной социально-психологической адаптации. Что можно сделать, чтобы обрести позитивную динамику межличностных отношений, уверенность в себе и духовную силу? Прежде всего, научить студентов разбираться в механизмах своих поступков и действий, эффективно использовать личностные ресурсы, понимать свои ограничения и возможности. Ответы на эти и многие другие вопросы дают специальные знания из области социологии и психологии человека.

Каждое общество заинтересовано в идеальном типе личности, и потому предъявляет свои требования к формированию социального характера. Такой подход находит своё воплощение в системе образования и воспитания, в средствах массовой информации. Исследования западных социологов показали, что специфика отношений в различных сферах общественной жизни стимулирует проявление определённых личностных качеств и типов поведения. Например, рыночные отношения способствуют развитию прагматизма, хитрости, расчётливости, отношения в сфере производства формируют эгоизм, карьеризм и вынужденную кооперацию.

В то же время, в социологии известен обратный механизм – влияние личностных качеств на возникновение и развитие общественных, в том числе экономических отношений определённого типа. М. Вебер в своё время показал, что изменения в сфере сознания, перестройка ценностных ориентаций и отношения к труду, дали толчок к возникновению рыночных отношений. Следовательно,

комплекс определённых личностных качеств может ускорять общественное развитие в том или ином направлении, а может наоборот, препятствовать ему или делать его вообще невозможным.

Социология, по М. Веберу, так же как и история, изучает поведение индивида или группы индивидов. Отдельный индивид и его поведение являются как бы «клеточкой» социологии и истории, их «атомом», тем простейшим единством, которое не подлежит дальнейшему разложению и расщеплению. Социология с точки зрения М. Вебера, рассматривает поведение личности лишь постольку, поскольку личность вкладывает в свои действия определенный смысл. Только такое поведение может интересовать социолога; что же касается психологии, то для нее этот момент не является определяющим. «Действием, – пишет он, – называется... человеческое поведение... в том случае и постольку, если и постольку действующий индивид или действующие индивиды связывают с ним субъективный смысл» [1].

При этом М. Вебер имеет в виду тот смысл, который вкладывает в действие сам индивид, – то есть субъективно подразумеваемый смысл. Осмысленное целенаправленное действие не является предметом психологии именно потому, что цель, которую ставит перед собой индивид, не может быть понята, если исходить только из анализа его душевной жизни. Правда, связь между целью и выбираемыми для ее реализации средствами опосредована психологией индивида; однако, согласно М. Веберу, чем ближе действие к целерационализму, тем меньше коэффициент психологического преломления, «чище», рациональнее связь между целью и средствами.

Реальная жизнь показывает, что чисто социологический подход или только психологический, с точки зрения поведения личности, интересен лишь в научных целях. Практический смысл изучения социологии и психологии личности как предмета гуманитарного цикла в технических вузах, требует практических знаний, направленных на адекватное познание законов общества, себя и своих личностных ресурсов для успешной самореализации в обществе после окончания вуза. Во всех видах деятельности и поведения отношения между людьми следуют за отношением к ситуации, предмету и средствам деятельности. Лишь пройдя через многие объекты отношений, сознание становится само объектом самосознания. Требуется накопление опыта множества подобных осознаний себя субъектом поведения для того, чтобы отношения к себе превратились в свойство,

называемое рефлексивностью. Однако, именно эти свойства завершают структуру личности и обеспечивают ее целостность. Они наиболее тесно связаны с целями жизни и деятельности, ценностными ориентациями, установками; выполняя функцию самопознания, самоконтроля и самоорганизации.

Человек не часто прибегает к самоконтролю, во-первых, потому что многие поведенческие акты регулируются автоматически и, во-вторых, человек часто неудовлетворен собственной самооценкой. Самосознание включается только тогда, когда этого невозможно избежать, например, в условиях рассогласования правил и норм с поведением, или когда требуется внимательное отношение к себе. Самосознание — культурный феномен, позволяющий сохранять постоянство собственного поведения и испытывать чувство ответственности за социальные ценности, усвоенные индивидом. В рамках концепции "объективного самосознания" оно рассматривается как сличение совершаемого поведения или поведения, требуемого ситуацией, с представлениями о самом себе [2]. Способность к самоконтролю сопряжена с волевым усилием над собой. Мы видим, что в жизни не обойтись без психологических категорий, понимания психологии поведения, определяющих успешность деятельности индивида и пути к успеху и профессиональной карьере. Необходим комплекс интегральных знаний о человеке и его поведении, формирующий базовую основу социально-психологической подготовки студентов для будущей управленческой деятельности.

Уровень амбиций выпускников престижных вузов многим испортил карьеру, хотя многим способствовал достижению высоких результатов [3]. Лучшие лекарства от неразумных амбиций — сравнение самооценок и оценок, сравнение результатов с планами, способность выслушивать критику. Любой успех порождает и почитателей, которые могут впасть в лицемерие, и противников, которые могут просто молчать либо активно бороться с вами. Ваш успех может просто мешать другим, и это вполне нормально. Вот почему большой интерес у студентов вызывает понятие и определение личностной самооценки. В психологической науке принято следующее определение самосознания: «Совокупность психических процессов, посредством которых индивид осознает себя в качестве субъекта деятельности, называется самосознанием, а его представления о самом себе складываются в определенный «образ «Я» [4]. «Образ «Я» — это не просто представление или понятие личности о самой себе, а социальная установка, отношение личности к себе. Поэтому в образе «Я» можно выделить три компонента:

1) познавательный (когнитивный) — знание себя, самосознание;

2) эмоционально-оценочный — ценностное отношение к себе;

3) поведенческий — особенности регуляции поведения.

Образ «Я» — не статическое, а чрезвычайно динамичное образование личности. Часто человек смотрит на себя сквозь призму собственных желаний, не учитывая своих реальных возможностей. Обычно фантастическое «Я» сопровождается словами «если бы», что означает, каким субъект желал бы стать, если бы это оказалось для него возможным. Степень правильности образа «Я» выясняется при изучении одного из важнейших его аспектов — **самооценки личности**, т.е. оценки личностью самой себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей. Самооценка — неперенный спутник нашего «Я». Она проявляется не столько в том, что человек думает или говорит о себе, сколько в его отношении к достижениям других. Без самооценки трудно и даже невозможно самоопределиваться в жизни. Верная самооценка предполагает критическое отношение к себе, постоянная диагностика своих возможностей к предъявляемым жизнью требованиям, умение самостоятельно ставить перед собой осуществимые цели, строго оценивать течение своей мысли и её результаты, подвергать тщательной проверке выдвигаемые догадки, вдумчиво взвешивать все доводы «за» и «против». Все «Я» уживаются в человеке одновременно. И если одно из «Я» будет преобладать над другими, это может отразиться на его личности. Так, если перевес в структуре личности фантастических представлений о себе не сопровождается поступками, которые способствовали бы осуществлению желаемого, происходит дезорганизация деятельности и самосознания человека. Например, студент, который имеет среднюю успеваемость, может в своих мечтах быть отличником, которого все узнают и восхищаются его способностями. Но если эти мечты не подкрепляются систематическими занятиями и посещением лекций, можно разочароваться в собственных возможностях ввиду очередного несовпадения желаемого и действительного. Поэтому так важно ещё в студенческом возрасте понимать собственные возможности, не впадая в крайности.

Самооценка тесно связана с уровнем притязаний личности, которую можно определить как желаемый уровень самооценки, проявляющийся в степени трудности цели, которую индивид ставит перед собой. Если личность стремится к повышению самооценки в случае, когда имеется возможность свободно выбирать степень трудности очередного действия, то могут возникнуть два конфликта: с

одной стороны — стремление повысить притязания, чтобы пережить максимальных успех, а с другой — снизить притязания, чтобы избежать неудачи. В первом варианте уровень притязания обычно повышается, а во втором — уменьшается. Уровень притязания обычно устанавливается где-то между очень легкими и очень трудными целями и задачами, для того, чтобы сохранить на приемлемом уровне собственную самооценку. Не только на основе предвосхищения успеха или неудачи, но и на основе прежних успехов или неудач идет формирование личностью своего уровня притязаний. С помощью чего личность может повысить свой уровень притязания? С одной стороны это может происходить после того, как будут успешно выполнены поставленные перед собой определенные цели. Но также это может произойти с помощью коллектива или руководителя, если последние будут всячески подбадривать индивида в процессе выполнения поставленных задач. К примеру, в процессе ответа на поставленный вопрос на семинарском занятии студенту говорят: «Вы идете в правильном направлении» или «Ваша мысль правильна» и т.п. В этом случае повышается самооценка личности, а вследствие чего личность может достигнуть успеха. В конечном счете, у индивида повышается уровень притязания.

Самооценка человека изменяется в течение жизни. На устойчивость того, как мы себя оцениваем, влияет много факторов. События прошлого и настоящего, отношения с людьми, состояние здоровья, возраст отражаются на мыслях и чувствах. Причины низкой самооценки могут уходить корнями в детство, и взрослый человек порой не осознает их, расценивая негативное восприятие как естественное состояние. В таких случаях увидеть себя с другой стороны бывает крайне сложно. Люди с **низкой самооценкой**, как правило, замечают в жизни больше плохого, чем хорошего. Многие свои действия они считают бесполезными, бессмысленными, а прилагаемые усилия неоправданными. При **низкой самооценке** человек часто думает, что он ни на что не годен и никому не нужен или того, что он делает недостаточно, чтобы изменить ситуацию и расположить к себе людей. Такой человек постоянно сравнивает себя с другими не в свою пользу, акцентирует внимание на том, что считает своими недостатками и часто преувеличивает достоинства окружающих. **Низкая самооценка** не позволяет человеку быть уверенным в себе и настойчивым в достижении целей, проявлять способности, свободно общаться и поддерживать дружеские личные отношения. Это сказывается на жизни: труднее получить желаемую работу, обрести финансовое благополучие, устроить семейную жизнь.

Разочаровавшись в себе, человек начинает замыкаться, отгораживаться от помощи. Довольно часто люди с низкой самооценкой испытывают страх при общении, полагая, что окружающие могут их использовать, если узнают ближе. Переживания такого рода еще больше подавляют и ситуация кажется безвыходной.

Завышенная самооценка и ее причины

Бывает так, что родители или ближайшие родственники ребенка склонны переоценивать, излишне восхищаясь как он(а) умны и сообразительны, но попадая в другую среду, такой ребенок испытывает драматические переживания, поскольку его оценивают по реальной шкале, по которой его способности оказываются оцененными далеко не столь высоко. В этих случаях, завышенная родительская оценка играет злую шутку, вызывая у ребенка когнитивный диссонанс в период, когда собственные критерии адекватной самооценки еще не выработались. Тогда завышенный уровень самооценки сменяется заниженным, вызывая у ребенка психологическую травму, тем более сильную, чем в более позднем возрасте она произошла [5].

Адекватная самооценка

Самооценка оказывает существенное влияние на эффективность деятельности и формирование личности на всех этапах развития. Адекватная самооценка придает человеку уверенность в себе, позволяет успешно ставить и достигать целей в карьере, бизнесе, личной жизни, творчестве, придает такие полезные качества как инициативность, предприимчивость, способность адаптации к условиям различных социумов. Под адекватной самооценкой в данном случае подразумевается верная оценка своих возможностей, способностей и положения в жизни. Низкая самооценка сопровождает человека робкого, неуверенного в принятии решений. Высокая самооценка, как правило, становится неотъемлемым качеством успешного человека, независимо от профессии – будь то политики, бизнесмены, представители творческих специальностей. Однако распространены и случаи завышенной самооценки, когда люди придерживаются слишком высокого мнения о себе, собственных талантах и способностях, в то время как реальные их достижения, по мнению экспертов в той или иной области, представляются более или менее скромными. Почему так? Практические психологи нередко выявляют два типа поведения (мотивации) – стремление к успеху и избегание неудачи. В случае если человек придерживается первого вида мышления, он настроен более позитивно, его внимание менее акцентировано на трудностях, и в этом случае мнения, высказываемые

в социуме, просто менее значимы для него и его уровня самооценки. Человек, исходящий из второй позиции, менее склонен к риску, проявляет больше осторожности и нередко находит в жизни подтверждение своим страхам, что его путь к целям сопряжен с бесконечными препятствиями и тревогами. Такой тип поведения, возможно, не позволяет ему поднять самооценку. Возможно, они забывают, что неудачи – также ценный ресурс опыта, а также что их индивидуальность не менее уникальна, чем у других людей. Также важен вопрос о критериях оценки и самооценки (как и что именно оценивать?), т.к. в некоторых, даже профессиональных областях (не говоря уже о личных отношениях) они могут оставаться относительными или недостаточно четко проясненными. Адекватность самооценки определяется психологом путем анализа реальных и желаемых (идеальных) притязаний и возможностей человека. Высокий уровень самооценки обычно характерен для успешных, уверенных в себе людей, ставящих реальные цели и имеющих достаточно сил и умения их достичь. Низкая самооценка формируется у людей слишком стеснительных, стремящихся избегать сложных ситуаций и решительных действий. Тем не менее, оба примера относятся к адекватной самооценке. Однако случается, что человек слишком высоко оценивает себя и свои возможности, неоправданно возвышает себя над окружающими людьми, или наоборот. Такие люди попадают под определение личностей с неадекватной завышенной или заниженной самооценкой. Верная самооценка поддерживает достоинство человека и дает ему нравственное удовлетворение. Адекватное или неадекватное отношение к себе ведет либо к гармоничности духа, обеспечивающей разумную уверенность в себе, либо к постоянному конфликту, порой доводящему человека до невротического состояния. Максимально адекватное отношение к себе — высший уровень самооценки.

Заключение

Одним из основных требований, предъявляемых к современному выпускнику высшего учебного заведения, помимо специальной подготовки, являются знания по общей и социальной психологии, социологии, этике, которые необходимы в общении с людьми, формирующие нравственные правила поведения. Современный студент среди важных личностных качеств будущего специалиста выделяет умение строить взаимоотношения с другими людьми, знание законов человеческих взаимоотношений, что может в дальнейшем существенно помочь в решении жизненных проблем.

Список литературы:

1. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
2. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1983.
3. Физтех – взгляд в будущее. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.
4. Кон И.С. Открытие «Я». – М.: 1987.
5. Шевандрин Н.И. Психодиагностика, коррекция и развитие личности. – М.: Гуманит.изд.центр ВЛАДОС, 1998.

СЕКЦИЯ 4. СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

ПРИМЕНЕНИЕ РЕКЛАМНЫХ СУВЕНИРОВ В ДЕЛОВОЙ И РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Чебыкина Ирина Витальевна

к. соц. н., доцент каф. социологии ФГАОУ ВПО
«РГППУ», г. Екатеринбург
E-mail: irinach@mail.ru

Использование сувенирной продукции в современном бизнесе уже давно стало обыденным делом, неотъемлемой частью корпоративной этики, рекламных и PR-кампаний. Все мы привыкли к тому, что на выставках, рекламных акциях, деловых переговорах нам будут предложены небольшие подарки с символикой компании. Практическая польза использования сувениров вполне очевидна, однако, далеко не в полной мере изучены и систематизированы сувениры как вид социальной коммуникации, их функции, типы. В статье мы постараемся рассмотреть эти вопросы более подробно.

Прежде всего, отметим, что *сувенир* далее будет пониматься как недорогой (или относительно недорогой) подарок, ориентированный, преимущественно, на массового получателя, содержащий информацию о дарителе, вручаемый безвозмездно с целью доставления чувства радости, удовольствия, принесения пользы, напоминания и эмоциональной привязки к событию или памятной дате.

Поскольку, зачастую, происходит синонимичное использование терминов «сувенир» и «подарок», считаем полезным выделить их общие и отличительные черты. *Подарок* - это предмет или вещь, что-то хорошее, приятное, который по собственному желанию и безвозмездно преподносят с целью доставить удовольствие, пользу, выразить уважение, признательность. *Сувенир* – это подарок на память, вещь, связанная с воспоминаниями о ком-либо / о чём-либо, несущая, соответственно, колорит места или события, где они были произведены и приобретены.

Общим для подарка и сувенира является способ получения - его безвозмездное преподнесение дарящим, дарение с целью доставить удовольствие и оставить напоминание о значимых событиях и праздниках. Вместе с тем, подарок ориентирован, прежде всего, на формирование чувства удовольствия, радости у человека, получающего подарок. А сувенир, как правило, выполняет функцию привязки этих чувств к конкретной компании и поводу, по которому

сувенир вручен. *Различия* между подарком и сувениром проявляются в стоимости, информативной насыщенности и адресности. Как правило, подарок дороже сувенира, более лично ориентирован и адресован конкретному человеку.

Динамика проникновения сувениров в деловую практику впечатляет. Относясь к сегменту имиджевых услуг, сувенирная продукция является частью рекламного рынка в целом и занимает, по разным оценкам, от 6 до 10% от его объема [7]. Специалисты оценивают ежегодный объем российского рынка рекламно-сувенирной продукции приблизительно в 200 млн. \$ [3] и при сохранении существующих темпов роста, оборот российского рынка сувенирной продукции к 2012 г. превысит 1 млрд. \$, а общий объем рекламного рынка в России, по прогнозам Ассоциации коммуникативных агентств России к 2012 г. составит около 12 млрд. \$. Географически наиболее значительная часть «сувенирки» сконцентрирована в Москве и Московской области (70-80%), доля Санкт-Петербурга и Ленинградской области составляет около 5%, другие российские регионы в совокупности обеспечивают оставшиеся 15-25% продаж сувенирной продукции [2].

Российский рынок сувенирной продукции развивается вполне цивилизованно, в том числе, благодаря деятельности ряда организаций, объединяющих профессионалов сувенирного бизнеса. Это некоммерческая организация рынка рекламно-сувенирной продукции «Русская ассоциация поставщиков и производителей сувениров» (РАППС), чьей главной задачей является содействие развитию отрасли рекламных сувениров, формирование цивилизованного рынка и повышение профессионализма его участников [6]; *Международная Ассоциация Презентационной Продукции* (МАПП), осуществляющая деятельность по продвижению рекламно-сувенирных фирм на российском и европейском рынках [5] и *Институт профессионалов рекламно-сувенирного бизнеса* (IPSA) - коммерческая структура, деятельность которой направлена на развитие рекламно-сувенирного рынка России, построение цивилизованных связей между производителями, дистрибьюторами и клиентами [4].

Разнообразие сувениров, представленных на рынке, впечатляет. В каталоге каждой уважающей себя компании порядка 1000-1500 наименований сувениров. Этот ассортимент ежегодно обновляется на 15-20%, а владельцы постоянно колесят по миру и стране в поисках необычных решений, материалов и технологий нанесения [8, с. 25]. Тем не менее, общепринятой классификации сувениров в научной

литературе пока нет. Постараемся охарактеризовать некоторые *виды* сувениров по ряду параметров.

1. В зависимости от *пола получателя* сувениры:

- женские (шкатулки, бижутерия, косметички, платки, зеркальца);
- мужские (наборы инструментов, галстуки, зажимы для галстуков);
- универсальные (ручки, зажигалки, флешки, кружки, пледы, зонты).

2. В зависимости от *сезона* сувениры:

- летние (футболки, бейсболки, наборы для пикника);
- зимние (елочные шары, шапки, шарфы, ежедневники, календари).

3. По *функциям* сувениры:

- утилитарные («полезные» сувениры: наборы инструментов, дорожные кружки, флешки, фонари, зонты, пледы, фоторамки, часы т.е. вещи, которые могут быть полезными в повседневной жизни);
- развлекательные / антистрессы (головоломки, гибкие ручки, магниты, мини пылесосы для клавиатуры и т.д., чей главной задачей является игра, кратковременное развлечение);
- деловые (ежедневники, органайзеры, календари, блокноты, постеры, плакаты, сумки, ручки, карандаши, скрепочницы, т.е. вещи, помогающие в осуществлении рабочих функций);
- рекламные / промо (небольшие и недорогие предметы с логотипом компании, ориентированные на реализацию рекламных задач: открывалки, брелки, зажигалки, ручки, кружки, тестеры продукции, конфеты, плитки шоколада с логотипом и адресом фирмы на стойке администратора).

4. По *поводу дарения* сувениры:

- Новогодние (могут нести в себе символику Нового года: елочные шары, свечи, сувениры со знаком года, а также могут отражать и начало нового календарного года: ежедневники, планинги, календари.);
- сувениры к 23 февраля и 8 марта (согласно российской традиции, принято делать презенты мужчинам и женщинам в эти дни: для мужчин это могут быть галстуки, жетоны, армейская атрибутика, а для женщин - платки, кондитерские изделия, косметички);
- сувениры к профессиональным датам (чаще всего, сувениры обыгрывают символику профессии: миниатюрные фигурки

пожарных, аптечка для врачей с неожиданным наполнением, модель самолета для летчиков);

- сувениры к событиям (сувениры, учитывающие особенности и содержание события, они могут быть уникальными и типовыми).

5. В зависимости от *статуса получателя* сувениры:

- массовые / универсальные (чаще всего, это промо-сувениры: конфеты, зажигалки, ручки);

- ориентированные на определенную группу / корпоративные (ежедневники, офисные наборы, выполненные в фирменном стиле; продукция предприятия с фирменной символикой для деловых партнеров);

- индивидуальные / VIP-сувениры (эксклюзивные, как правило, выполняемые на заказ и даже в единичном экземпляре, вещи – предметы антиквариата, картины, элитные кейсы, канцелярские принадлежности от ведущих дизайнеров, ювелирные украшения).

6. По *способу производства* сувениры:

- серийные /массовые (до 80 % спроса и предложения, недорогие, до 10 долларов, массовые промо-сувениры и деловые аксессуары, выполненные в 8-10 базовых цветах, персонализация которых происходит за счет использования фирменных цветов и нанесения на него информации о компании);

- авторские (около 20% спроса и предложения, эксклюзивная продукция, позволяющая, по сравнению с массовыми сувенирами, получить ряд преимуществ: неповторимость; возможность обыграть в изделии знак, логотип заказчика, учесть профиль и другие особенности фирмы; возможность максимально учесть характер аудитории, для которой предназначаются сувениры; возможность придания сувениру определенного эмоционального оттенка; символика фирмы заказчика уже заложена в технологический процесс изготовления сувенира [1]).

Независимо от того, где и каким образом произведен сувенир, он должен содержать ряд обязательных элементов, к числу которых относятся:

1. символика компании или мероприятия: логотип, девиз, символ, герб, дата и место проведения мероприятия;

2. фирменный цвет компании / мероприятия;

3. надписи должны быть выполнены фирменным шрифтом;

4. обязательны данные о компании: адрес, сайт, факс, телефон.

Сувениры – это *вид социальной коммуникации* и, прежде всего, рекламной. Они имеют своего *отправителя* (это компания,

представляющая свой продукт или саму себя) и *получателя* (деловые партнеры, клиенты, рядовые покупатели). Рекламный сувенир сам по себе является *средством* и *каналом* коммуникации: на нем записано определенное *сообщение* (название компании, адрес, другие важные атрибуты, выполненные, как правило, в фирменном цвете и стиле), выполненное разнообразными способами. При этом сообщение может быть как прямым (название марки, компании, девиз), так и опосредованным (цвет, форма, материал, из которого выполнен сувенир), учитывающим социокультурные особенности получателя. Сувенир позволяет осуществить *обратную связь* с получателем (через формирование определенных чувств и эмоций, обращения в компанию по указанным адресам и телефонам).

Таким образом, использование разнообразных видов сувениров в деловой практике является не только дополнительным коммуникативным каналом для современного предприятия, но и связано с выполнением ими коммуникативной, эмоциональной, имиджевой и рекламной функций. Рекламный сувенир – это способ проявить внимание к клиенту и деловому партнеру, донести до него прямое сообщение о компании, товаре, вызвать положительные чувства и эмоции. Сувенир способен отвлечь на некоторое время от повседневных дел, позволяет вспомнить приятные моменты и события, ведь обмен подарками – составной элемент повседневной и деловой жизни в котором отчетливо различимы черты ритуала. Поскольку сувенир выполняется с нанесением фирменной символики, использованием фирменного стиля в оформлении и шрифтах, возможность вручить недорогой, но оригинально выполненный сувенир, говорит о статусе компании, уровне ее деловой и корпоративной культуры.

Список литературы:

1. Варианты авторской сувенирной продукции. [Электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <http://www.advecon.ru/dictionary/souvenir-production/>
2. Обзор российского рынка сувенирной продукции. [Электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <http://astrakhan.marketcenter.ru/content/doc-2-10676.html>
3. Общая характеристика рынка рекламно-сувенирной продукции. [Электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <http://www.infoexpo.ru/articles/souvenir.htm>
4. Официальный сайт IPSA. [Электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <http://www.ipso-russia.ru>

5. Официальный сайт МАПП. [Электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <http://www.iapp.ru>
6. Официальный сайт РАППС. [Электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <http://rapps.ru>
7. Рынок рекламно-сувенирной продукции. [Электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <http://rapps.ru/main.mhtml?Part=33&PubID=1208>
8. Чинарова К. Время дарить // Управление компанией. - 2004. - № 12. - С. 22-26.

СЕКЦИЯ 5. ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

КЛАДБИЩЕ ВЕЩЕЙ И ПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕКА. АНАЛИЗ КНИГИ Ж. БОДРИЙЯРА «СИСТЕМА ВЕЩЕЙ»

Пушков Александр Александрович

*ассистент кафедры «Социология, Культурология и политология»,
ФГОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК», г. Орел
E-mail: rayldyik@mail.ru*

В основе работы «Система вещей» Ж. Бодрийяра лежит попытка структуралистского осмысления системы распределения и потребления материальных и духовных благ. Он разрабатывает теорию взаимодействия человека с его материальным окружением и формирования личности. Тема «Системы вещей» актуальна и для современности, т.к. характер современного общества полностью зависит от индустриального производства и формируемого им систем экономических, политических, социальных и т.д. отношений. Поэтому вновь встаёт вопрос о необходимости определения влияния существующей системы на личность человека и на весь социум в целом.

Для Ж. Бодрийяра «*вещь*» – это конкретный предмет, то, что составляет повседневное окружение индивида, материальный мир, в котором живет человек. Поэтому «*система вещей*» – это иерархическая система связей и взаимодействий между вещами, формирующаяся на основе определенных практик распространения, производства и использования материальных объектов, и артикулирующая всю совокупность социальных и культурных практик общества. Таким образом, система вещей воплощает в себе социальное устройство общества, его идеологические и культурные установки, психологические паттерны. Но система вещей – это не просто материальное выражение социального и культурного. Как идеи и концепты формируются в ходе определенных дискурсивных практик, так и вещи сами являются объектами определенного дискурса. Вещи выступают не просто функциональными объектами или носителями информации, они в той же мере формируются определенными дискурсивными практиками, несут функцию знака, означая определенный идеологический дискурс, систему распределения власти, правила, нормы использования и применения вещей (к схожим выводам приходит М. Фуко в своей книге «Слова и вещи», написанной двумя годами ранее).

Вещь, согласно Ж. Бодрийяру, не просто объект материального мира, она часть интерсубъективной реальности человека, и определенные социальные и психологические факторы оказывают на вещи влияние, возможно, большее, чем их технические или функциональные характеристики: «мы немедленно столкнемся с психосоциологической переживаемостью вещей, которая независимо от их материальной ощутимости создает ряд своих требований, постоянно изменяющих и нарушающих связность технологической системы» [1, с. 25].

Итак, «дискурс вещей» - это дискурс потребления. Бодрийяр об этом не заявляет прямо, но косвенно он рассматривает вещи именно как определенные знаки, как объекты дискурса потребления, куда включаются так же определенные концепты (общества всеобщего благоденствия, коннотации вещей, автоматизация, минютиаризация, функциональность вещи, обсессивность потребления, равенство перед потреблением), а так же индивиды, как носители определенных ролей, функционально включенных в дискурсивную формацию.

«Потребление – это не материальная практика и не феноменология «изобилия»... это виртуальная целостность всех вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связный дискурс. Потребление, в той мере, в какой это слово вообще имеет смысл, есть деятельность систематического манипулирования знаками» [1, с. 205].

Бодрийяр рассматривает социальные функции вещей, их роль в общественной структуре, начиная свой анализ с оппозиции вещи в системе традиционного общества и системы вещей в рамках общества потребления, он акцентирует своё внимание на пространстве дома, как повседневном пространстве индивида. В традиционном буржуазном обществе вещи обладают неким символическим значением – «духом» и моральной нагрузкой, обеспечивая «регулярную последовательность поступков и символизирующей постоянную явленность семьи самой себе» [1, с. 37], являясь выражением социальной структуры эпохи.

«Типичный буржуазный интерьер носит патриархальный характер – это столовая плюс спальня. Вся мебель здесь, различная по своим функциям, но жестко включенная в систему, тяготеет к двум центральным предметам – буфету или кровати. Действует тенденция занять, загромоздить все пространство, сделать его замкнутым» [1, с. 37].

Вещь же эпохи общества потребления лишена какой-либо моральной нагрузки и символического значения, она чисто функциональна:

«Нынешние вещи, наконец, стали кристально прозрачны в своем функциональном назначении» [1, с. 20].

Если роль и позиция вещи в традиционном обществе зависела от того, какую значимую функцию она выполняет, какие нормы и традиции репрезентует, то современная система вещей подчинена лишь одному правилу – правилу комбинаторики, перманентному влиянию моды. Проводя аналогию с языком (что во многом является данью модной в то время структурной лингвистики), он вводит понятие *«технема»*, которое, впрочем, в дальнейшем практически не использует. Язык - в первую очередь, система различий, для системы вещей в их «логике комбинаторики» – так же главнейшую роль играют формальные различия. Вещь - это знак, лишенный какого-либо смысла, превращенный через бесчисленное количество повторений, номинаций, тиражирования и серийного производства в чистый аффект, подверженный веяньям моды. Формирование повседневной среды обитания человека подчинено чистой комбинаторике знаков с лишением ее (среды) каких-либо символических значений посредством редукции, аутентичного закрытого пространства дома к открытости, размытости, полифункциональности, чему способствуют распространение двух мифов – естественности вещественной среды и функциональности вещи (термин «миф» Ж. Бодрийяр использует в том же значении, что и Р. Барт, который оказал большое влияние на его научные взгляды). Согласно Ж. Бодрийяру окружающие вещи больше не составляют согласованную единую систему, они составляют лишь совокупности определенных моделей с ограниченным жизненным циклом вещи, с необходимостью повторения кредитной операции выбора, постоянной погоней за трендом и модой. Для вещи определяющее значение обретает *«комбинаторная исчислимость»* – способность вещи вступать в комбинаторные взаимодействия, быть частью комбинаторного кода системы вещей, обладать комбинаторной ценностью в дополнение к функциональности и ценности в императиве социальной значимости и престижа. Удивительно, что, не смотря на всю аллегоричность языка, Ж. Бодрийяр не использует для описания системы вещей метафору кладбища, где все так же функционально, так же тотально, так же фундировано логикой взаимоположения и несет сходные с его позиции коннотации:

«Несомненна, однако, необратимость и неограниченность ее логики – комбинаторной логики знаков. От нее не может укрыться ни одна вещь, подобно тому, как ни один продукт не может укрыться от формальной логики товарного обмена» [1, с. 61].

Вещь отлична от одной вещи лишь незначительными чертами, при этом значении смысл вещи заключается лишь в этом отличии, это означаемое без означаемого:

«Любой, самый мелкий предмет отличается от других в тех или иных чертах – окраске, аксессуарах, деталях... Фактически такие отличия являются, пользуясь термином Рисмена, маргинальными отличиями, или точнее, отличиями несущественными» [1, с. 125].

Постоянное производство новых моделей, обладающих лишь маргинальными различиями, это условие включения индивида в постоянную гонку потребления, тяга к новому товару, к постоянной манифестации аутореферентности и идентичности посредством принадлежности к определенному бренду - человек покупает новый телефон или автомобиль отличающийся от предыдущего в серии практически лишь числовым обозначением - цифрой (I-Phone 1, 2, 3, 4), контент патчей и дополнений оригинальности современных компьютерных игр гораздо масштабнее оригинальной версии.

В своей более поздней работе «Общество потребления» Ж. Бодрийяр отмечает, что потребляемый товар не удовлетворяет потребностей, индивид потребляет лишь сам акт потребления. Все символическое значение товара, его социальная значимость, заключается не в нем самом, а в его коннотативном поле, в связи товара с определенными образами, с гипертекстуальным дискурсом потребления. Поэтому индивид испытывает чувство фрустрации, которое можно заглушить лишь потреблением нового товара.

Более поздняя мысль Ж. Бодрийяра противоречит его положению о чистой функциональности - нивелировании символического значения вещи. С нашей точки зрения, в современной общественной системе вещь поражает избыток знаковости (вещь превращается в чистый знак), он разрастается словно раковая опухоль на теле вещи, заставляя больше хотеть вещь, чем пользоваться ей. При этом даже в «Системе вещей» Ж. Бодрийяр отмечает, что в характеристиках вещи – например, цвете или расстановке присутствует избыток смысла: «ванная комната, кухня, постельное и нательное белье – отдано на откуп белому цвету, хирургически - девственному, отсекающему от тела его опасную для него же самого интимность и скрадывающему его влечения» [1, с. 51].

Впрочем, такое противоречие - результат скорее отсутствия методологической четкости научного анализа и неполноты разработанности проблемы - на уровне комбинаторики в системе вещей: отдельная вещь действительно чисто функциональна, она пустой знак; на уровне же дискурса потребления вещь нагружается

бесчисленным количеством значений, она мифологизируется. Такая редукция смысла в пользу символического аффекта характерна не только для материального производства, точнее логика материального производства переносится в современном обществе на другие области. Р. Барта в своем исследовании мифа как структуры современного коммуникативного пространства утверждает, что любое сообщение, событие, действие, ставшее объектом массовой коммуникации, теряет свой смысл, превращаясь лишь в форму, указывающую на определенное значение, транслирующую определенный концепт - идею или установку об устройстве мира:

«Становясь формой, смысл лишается своей случайной конкретности, он опустошается, обедняется, история выветривается из него и остается одна лишь буква. Происходит парадоксальная перестановка операций чтения, аномальная регрессия смысла к форме, языкового знака к означаемому мифа» [2, с. 82].

Символическое значение вещи в рамках дискурса потребления столь велико, что оно начинает выступать объективацией статусных социальных черт, через обладание вещи происходит символическое обретение определенной социальной позиции: «обладание же автомобилем дает нечто еще большее – как бы свидетельство о гражданстве» [1, с. 84].

Бесчисленное количество дискурсов формируют вещи, предъявляя определенные требования, как к формальным чертам (цвет, размер, и т.д.), так и к функциональным характеристикам вещей, устанавливая критерии ценности, формируя скрипты приобретения и использования вещей: «ценность сместилась в сторону синтагматической исчислимости, которая собственно и лежит в основе современного «жилищного» дискурса. Действительно, изменилась вся концепция домашнего убранства. В ней более нет места традиционному вкусу, создававшему красоту через незримое согласие вещей» [1, с. 75].

Но дискурс потребления формируют не только «пассивные вещи», система вещей напротив является активной системой взаимодействующей с человеком, влияющей на личность. Она через бесчисленное количество социальных практик - «отношений с вещью» формирует индивида, трансформирует его личность, определяет границы его социальности, интериоризируется в сознание, как определенная картина мира, как набор скриптов и фреймов поведения. Здесь можно вспомнить того же М. Фуко, который рассматривая техники и практики отправления власти, указывает на их

определяющую роль в формировании индивида как социального тела, тела приложения власти:

«Но тело непосредственно погружено и в область политического. Отношения власти держат его мертвой хваткой. Они захватывают его, клеймят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки» [1, с. 188].

Ж. Бодрийяр говорит о влиянии системы вещей на формирование личности, включенной в экономику индустриального производства, влияющего в первую очередь на повседневное пространство индивида. Дискурс потребления через определение правил взаимодействия личности с собственным окружением перестраивает личность, замещая ее, «человеку остается лишь исчезнуть с рекламной картинке. Его роль играют окружающие его вещи. В доме он создает не убранство, а пространство, и если традиционная обстановка нормально включала в себя фигуру хозяина, которая яснее всего и коннотировалась всей обстановкой, то в «функциональном» пространстве для этой подписи владельца уже нет места» [1, с. 45], и предоставляя ему лишь функциональную роль по отношению к данной системе:

«Нам ясно теперь, какой новый тип обитателя дома выдвигается в качестве модели: «человек расстановки» – это уже не собственник и даже не просто пользователь жилища, но активный устроитель его среды. (Он, следовательно, и сам должен быть «функционален», однороден своему пространству – только тогда он может отправлять и принимать сообщения от своей обстановки). Для него самое важное уже не владение и не пользование вещами, но ответственность – в том точном смысле, что он постоянно заботится о возможности давать и получать «ответы» [1, с. 46].

Итак, система вещей, формируемая в рамках дискурса потребления, детерминирует появление индивидов релевантных данной системе - «человек расстановки», условно «коллекционер» и человек потребления. Таким образом, артикуляция вещи, формирование системы вещей - это одновременно и артикуляция индивида, это процесс «двойной артикуляции»:

- «приспособленность одной формы к другой (формы рукоятки – к форме руки». Вещь изоморфна человеку – она персонализирована, человек включен в перманентные операции с вещами, он существует лишь в пространстве вещей, реализуя свой этос класса потребителя» [1, с. 200].

- «Человек расстановки» процессуально включен в структуру расстановки вещей и оформляется в повседневное комбинирование

знаков во взаимодействии с серийными вещами - это эксплицитный социальный агент.

«Коллекционер» представляет собой результат сублимационного переноса на вещь бессознательных аддикций, obsessions, фантазмов и перверсий:

- «по мере удовлетворения первичных потребностей у нас, видимо, появляется новая, не менее, а то и более сильная потребность – важна не столько настоящая функциональность вещей, сколько их фантазматическая, аллегорическая, подсознательная «усвояемость» [1, с. 168].

Коллекционер у Ж. Бодрийера - это человек фетиша, переносящий на объект коллекции, на серию нарциссические влечения, коллекционирование, род мастурбации, отчуждение индивида от социума:

- «Вещь никогда не противится повторению одного и того же процесса нарциссической самопроекции на бесконечное множество других вещей; она его даже требует, содействуя тем самым созданию целостной обстановки, тотализации самопредставлений человека; а в этом как раз и заключается волшебство коллекции. Ибо человек всегда коллекционирует сам себя» [1, с. 93].

Система вещей формирует особый проект личности - личность самореферентную именно в вещах, в болезненных поисках «необходимой» вещи, личность репрезентует себя, представляя коллекцию вещей как собственный референт, не просто отгораживаясь от мира коллекцией, но превращая ее (коллекцию) в выражение личности, интериоризируя набор вещей (которые как объекты дискурса представляют собой совокупность социальных символов и значений, определенный социальный код) в свою самость и понимая себя через те вещи, которые ему принадлежат. Если отбросить излишнюю увлеченность Ж. Бодрийера психоанализом (а он, подобно известному замечанию Ж. Делеза и Ф. Гваттари относительно Фрейда, повсюду видит образ Отца и Эдипов комплекс), то можно найти множество примеров такой аутореферентности личности за счет вещи, самоидентификации себя с определенным брендом. Посредством отнесения себя к определенной группе потребителей, индивид принимает определенный образ жизни, формирует определенные социальные и культурные диспозиции. Таким образом, обладание вещью (как социальный агент – бренд) выступает, как фактор самоидентификации:

«Коллекция создается из череды элементов, но ее последним членом служит личность самого коллекционера. И обратно, эта

личность образуется как таковая лишь в процессе последовательной самоподстановки в каждый из предметов коллекции. В плане социологическом, сходная структура еще встретится нам в системе модели и серии. В обоих случаях мы констатируем, что серийность или коллекция - суть основополагающие предпосылки обладания вещью, то есть взаимоинтеграции предмета и личности» [1, с. 94].

Ж. Бодрийяр приходит к выводу, что коллекционер - шизофреник, что общество потребления шизофренично по своей сути, социальная идентичность размыта, личность может обрести социальную целостность лишь посредством концентрации вокруг определенных фетишей, лишь в obsesии. Позже Ж. Делез и Ф. Гваттари в развитии своей концепции шизоанализа постулировали бегство современного человека от шизофренической дезинтеграции в параноидальную структурированность.

«Человек потребления» - это социальное тело, включенное в экономику индустриального производства и формирующееся в рамках современной экономической и политической системы, это новый общественный класс со своим классовым сознанием, со своими классовыми привычками и идеологией, это основа общественной системы.

Либерализм и плюрализм современного общества сводится по Бодрийяру к одной лишь свободе - ,свободе наслаждения' - ««Свобода наслаждаться жизнью» означает свободу вести себя иррационально и регрессивно, тем самым приспосабливаясь к определенному социальному строю производства [Пользуясь схемой Маркса («К еврейскому вопросу»)], можно сказать, что индивидуум в обществе потребления свободен в качестве потребителя и только в качестве такового. Его эмансипация формальна.]» [1, с. 197].

Основополагающим правом человека потребления является право выбора, и в рамках этого права человек свободен, но отказаться от него он не может. Личность принуждает выбирать и потреблять (выполняя свою единственную социально значимую функцию), воспроизводя при этом существующую систему распределения власти, сложившийся режим общественных отношений:

«Ничто не изменилось, разве что одно: личность в своем самоосуществлении оказывается стеснена уже не репрессивными законами, не нормами послушания; цензура осуществляется в «свободном» поведении (покупке, выборе, потреблении) через стихийную самозагрузку; она как бы интериоризируется в самом акте наслаждения» [1, с. 205].

Основными механизмами отправления политической власти и формирования человека потребления выступает:

1. Кредитование – «в глубине души мы сегодня все вещи переживаем как приобретенные в кредит и воплощающие в себе некий наш долг по отношению к обществу в целом; просто эти долговые обязательства вновь и вновь пересматриваются, их условия зыбки, а сами они хронически подвержены инфляции и девальвации» [1, с. 172].

2. Реклама - «Здесь нам открывается огромная политическая роль, которую играет тиражирование рекламных изделий и операций: они по сути приходят на смену морально-политическим идеологиям прошлого. Более того, в то время как морально-политическая интеграция всегда шла небезболезненно (ее приходилось подкреплять открытым насилием), новейшие технические приемы обходятся без репрессии: потребитель интериоризирует социальную инстанцию и ее нормы в самом жесте потребления» [1, с. 184].

В заключении хотелось бы отметить, что начиная с 50-ых годов, идеологическую основу современного западного общества составляет концепция «общества потребления», основывающаяся на презумпции интенсификации производства и удовлетворения растущих потребностей населения. Потреблять - значит жить, потреблять - значит артикулироваться как личность, потребление есть право и обязанность гражданина, потребление есть основа функционирования общества – вот далеко не полный ряд идеологием общества «всеобщего благоденствия», философии среднего класса. Это идеология потребления находит отражение и в заявлениях президента США Барака Обамы, считающего, что не смотря на экономический кризис, американцы не должны покупать меньше, ибо это может подорвать основы американской экономики и американского образа жизни, и в рекламных проспектах времен Ж. Бодрийера: «Делать покупки – значит сохранять работу! Делать покупки – значит обеспечивать свое будущее! От каждой сделанной покупки становится меньше одним безработным – быть может, ТОБОЙ! Купи свое процветание сегодня, и ты будешь иметь его завтра!» [1, с. 160].

Если основной функцией социального агента становится потребление, то всё его социальное окружение – всё социальное пространство, включаясь в бесчисленные количество кредитных отношений начинает рассматриваться как товар, удовлетворяющий определенную потребность: вещи, произведения искусства, образы, человеческая личность, доступ к информации и каналам коммуникации - «подобно тому как потребности, чувства, культура,

знания – все присущие человеку силы интегрируются в строй производства в качестве товаров, материализуются в качестве производительных сил, чтобы пойти на продажу, – так и все желания, замыслы, императивы, все человеческие страсти и отношения сегодня абстрагируются (или материализуются) в знаках и вещах, чтобы сделаться предметами покупки и потребления!» [1, с. 210].

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Система вещей: Перевод с фр. С.Н. Зенкина/ - М.: Рудмино, 2001. – 224 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова.— М.: Прогресс, 1989.—616 с.

СЕКЦИЯ 6. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Шербич Людмила Ивановна

к. филос. н., доцент, в. н. с., ФГОУ ДПОС РАКО АПК, г. Москва

E-mail: shl-19@rambler.ru

Неотъемлемой частью существования человека является социальное бытие, благодаря которому он входит в мир, осознает и реализует свои способности, потребности, интересы, возможности. «Нельзя вообразить [субъекта] одинокого, без человеческого окружения, без целого культурного наследия, мира понятий, ценностей, норм поведения, без богатства чувственной жизни, развивающейся между ним и обществом» [3, с. 179].

Каждое конкретное сообщество (государство, народность и т. д.) в течение многих веков создает свою собственную культуру, которая сопровождает человека на протяжении всей его жизни и передается из поколения в поколение. История человечества насчитывает множество культур. Социальные науки стремятся определить то общее, что существует в человеческой культуре. Некоторые общие культурные элементы являются ориентирами личности в ее поступках, мыслях, переживаниях и др. Они не только чрезвычайно сложны по своей внутренней структуре, но и сильно отличаются друг от друга в зависимости от культурной специфики общества, группы. Эти элементы получили название культурных универсалий.

По мнению известного социолога Петра Штомпки, есть два теоретических источника универсалий.

1. Они могут «появиться в разных обществах параллельно, независимо друг от друга как выражение некоторых универсальных потребностей или императивов» [9, с. 255]. Эти потребности (или императивы) проистекают из самой природы человека или коллективов, сообществ.

2. Их появление может происходить «в процессе некоего культурного обмена, проникновения или распространения отдельных культур в более широких ареалах» [9, с. 255].

Во втором случае, по мнению П. Штомпки, следует говорить о культурной диффузии, что будет проявлением «распространения вширь... того культурного содержания, которое первоначально

сформировалось в рамках одной, специфически особенной партикулярной культуры» [9, с. 255].

В 1959 г. американский социолог и этнограф Джордж Мэрдок выделил более 70 культурных универсалий, свойственных всем обществам: язык, религию, символы, изготовление орудий труда, сексуальные ограничения, обычай делать подарки, спорт, украшения и т. д. Эти универсалии существуют потому, что они удовлетворяют наиболее важные биологические, психологические и социальные потребности [7].

Универсалии можно разделить на две большие группы. К первой группе следует отнести наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемые в человеческую деятельность, – природные и социальные (в том числе знаковые объекты мышления и предметы деятельности). Атрибутивные характеристики этих универсалий фиксируются в категориях пространства, времени, движения, вещи, отношения, количества, качества, меры, содержания, причинности, случайности, необходимости и т. д.

Ко второй группе следует отнести универсалии, которые выделяют человека как субъекта деятельности. Эти универсалии включают типы, формы и виды общения, отношение человека к другим людям и обществу в целом, в основе которых лежат универсалии целей, ценностей, потребностей, интересов личности. К универсалиям такого рода также относятся «человек», «общество», «сознание», «добро», «зло», «красота», «вера», «надежда», «долг», «совесть», «справедливость», «свобода» и т.п. Эта группа универсалий фиксирует в наиболее общей форме исторически накапливаемый опыт включения индивида в систему социальных отношений и коммуникации.

Между указанными группами универсалий всегда имеется взаимная корреляция, которая выражает связи между субъект-объектными и субъект-субъектными отношениями человеческой жизнедеятельности. Эти универсалии возникают, развиваются и функционируют как целостная система, где каждый элемент прямо или косвенно связан с другими.

По мнению академика В.С. Степина, культура – сложноорганизованная система надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения людей). «Эти программы представлены многообразием знаний, предписаний, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, верований, целей, ценностных ориентаций и пр. В

своей совокупности и исторической динамике они образуют накапливаемый и постоянно развивающийся социальный опыт» [8].

В.С. Степин отмечает, что наряду с генетическим кодом, закрепляющим и передающим от поколения к поколению биологические программы, у человека существует и такая кодирующая система – социокод. Социокод способствует передаче надбиологических программ, регулирующих социальную жизнь от человека к человеку, от поколения к поколению. Сложный комплекс регулятивов человеческой жизнедеятельности системно организован. Основаниями, обеспечивающими его системную целостность, являются фундаментальные жизненные смыслы и ценности. Их нередко называют концептами, категориями культуры, универсалиями культуры. «Смыслы универсалий в этом аспекте предстают как базисные ценности культуры» [8].

Универсалии, как базисные ценности культуры, помогают определить общие черты человеческой культуры.

Повседневная практика показывает, что весь жизненный опыт человека связан с той культурой, создающей среду его существования, которая имеет важное значение для осознания смысла существования. Сознание всегда живет в мире смыслов, поскольку смыслы – это реальность, которая выделяет и отличает мир человека [4, с. 110].

Мир культуры, складывающийся в процессе совместной жизнедеятельности многих поколений людей, является той реалией, которая всегда подвергается сомнениям и требует изменений. М.И. Найдорф пишет, что «всякая теория основана на фактах и может быть понята как особый язык, специально выработанный для объяснения соответствующей группы фактов» [6].

Благодаря этим фактам выстраивается совокупность жизненных обстоятельств, оказывающих воздействие на смысл всех проявлений человеческой жизнедеятельности и создающих своеобразный «культурный контекст». Таким образом, культура, представляющая собой смысловые элементы, является одновременно и их творцом, то есть «тем самым «культурным контекстом», внутри которого эти факты могут возникать и взаимосвязанно существовать» [6].

Культурный контекст требует внутренне связанной структуры, организованности, то есть в нем вмещаются такие компоненты биографии человека, которые неотделимы от совокупной жизни общества и тем самым от процесса его социализации, в том числе гендерной социализации.

Гендерная социализация происходит и в «культурном контексте» времени, и в условиях кросс-культурных изменений структуры общества.

Согласно Ш. Берн, существует четыре аспекта гендерной этики, в которых проявляются различные по другим показателям культуры. Эти аспекты включают: 1) разделение труда по половому признаку (гендерные роли), 2) убеждения или стереотипы, связанные с различиями между женщинами и мужчинами (гендерные стереотипы), 3) дифференциальную социализацию мальчиков и девочек и 4) меньшую власть и более низкий статус женщин [2, с. 240–241]. В принципе эти аспекты можно свести к двум основным группам вопросов, а именно: во-первых, социальной организации общества и, во-вторых, индивидуального поведения и психологии.

Таким образом, первая группа вопросов связана с пониманием того, почему женщины и мужчины в структуре практически любого общества фактически выполняли разные социально и политически неравноценные роли. «Иными словами, почему разделение труда по половому признаку и установленная система мужской политической власти являлись нормой на протяжении человеческой истории» [1]. Вторая группа вопросов связана с выявлением того, почему мужчины и женщины как отдельные индивидуумы нередко вынуждены вести себя так, как им традиционно предписывается социальными институтами. И почему мужчины более агрессивны, а от женщин требуется быть более пассивными и терпеливыми.

Не от того ли это происходит, что конкретность всякой культуры обусловлена универсальными требованиями в отношении гендерного поведения и определяет природу человеческих взаимосвязей исходя из присущего определенному обществу в определенное время миру культуры?

Известно, что каждое новое поколение стремится не только освоить нормы, традиции, обычаи, правила жизни предыдущих поколений, сложившиеся в определенном обществе (пространстве), но и преобразовать их в зависимости от новых общественных требований (время). Пространство и время (пространственно-временной порядок) определяют смысл жизни конкретного общества, влияют они и на гендерную социализацию.

С. Бем полагает, что «любая серьезная попытка объяснить универсальные характеристики человека во времени и пространстве предполагает рассуждения о биоисторическом взаимодействии между неизменными факторами в биологии человека и неизменными факторами в человеческой истории и культуре» [1]. Соответственно,

исходя из культурного контекста социальной организации человечества, должна рассматриваться и универсальная окружающая среда социализации личности. По утверждению Бем, «неоспоримые и повсеместные различия между мужчинами и женщинами на телесном уровне на протяжении почти всей человеческой истории взаимодействовали с неоспоримыми и повсеместными особенностями дотехнологичной окружающей среды».

Культурные универсалии отражают смысловой контекст целесообразной деятельности людей и оказываются влиятельной силой в формировании личности. С этих позиций их можно рассматривать как морально-нравственные нормы, правила. Эти нормы формируют как представления о поведении женщин и мужчин, так и требования к нему, запрещая или разрешая те или иные модели женского или мужского поведения. Исходя из норм культуры появляются суждения о нежелательных («постыдном», «недостойном», «оскорбительном», «несовременном», «греховном» и др.) и желательных («благородный», «добрый» и пр.) моделях поведения.

В культурном пространстве происходит становление личности, формируется ее гендерная идентичность. Культурное пространство личности связано с разными по уровню факторами: мега- (политика, экономика, этническая структура, территория и др.), мезо- (тип поселения, субкультура, СМИ и др.), микро- (семья, коллективы и группы общения, соседи и др.) [5, с. 38–39].

Гендерная социализация протекает под влиянием универсалий, которые характерны для культуры в рамках определенного времени и пространства.

Нельзя забывать и о том, что социализация – не однонаправленный процесс. Ведь личность сама способна производить изменения в обществе и тем самым менять представления о том, какие универсалии являются важными на данном этапе развития общества, а какие устаревают и требуют иного к ним отношения.

Также и гендерная социализация нуждается в трансформации и пересмотре значимости культурных универсалий. Однако мир культуры при всем предельном разнообразии все еще остается консервативным и продуцирует устаревшие гендерные стереотипы и предрассудки.

Список литературы:

1. Бем С. Альтернативная гипотеза: тело в социальном контексте. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://www.feminist.org.ua/library/feminist/txt/telo.php>
2. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
3. Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. – М.: Изд-во «Совершенство», 1998. – С. 179.
4. Мамедова Н.М. Культура: традиция и современность. – М.: Российское философское общество, 2009. – С. 110.
5. Мудрик А.В. Социализация вчера и сегодня. – М.: МПСИ, 2006.
6. Найдорф М.И. Введение в теорию культуры: Основные понятия культурологии. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: http://www.countries.ru/library/theory/naidorf_theory/part2.htm
7. Санжаревский И.И., Титаренко В.А. История, методология и техника исследования проблем общества и личности в социологии. – Тамбов: Изд-во ОГУП «Тамбовская типография «Пролетарский светоч», 2002. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: http://read.virmk.ru/s/SANZ_SOC/g-044.htm
8. Степин В.С. Конструктивные и прогностические функции философии. Доклад на XXII Всемирном философском конгрессе /Сеул, Южная Корея/ Вопросы философии, 2009, №1. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/stepin/funksii_filosofii.pdf
9. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М.: Логос, 2005. – С. 255.

СЕКЦИЯ 7. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ИСТОЧНИКИ РЕАЛЬНОСТИ: СМЫСЛ, ТЕЛО, ПОНИМАНИЕ

Пугачева Людмила Геннадиевна

д. филос. н., доцент, профессор кафедры государственно-правовых и философских дисциплин ИСЭПИМ, г. Балашиха (Московская обл.)

E-mail: lgpugacheva@yandex.ru

«...теоретический анархизм более гуманен и прогрессивен, чем его альтернативы, опирающиеся на закон и порядок... Не следует опасаться,

что уменьшение интереса к закону и порядку в науке и обществе, характерное для анархизма этого рода, приведет к хаосу.

Нервная система людей для этого слишком хорошо организована»

П. Фейерабенд. [5]

«Становление реальности», «личность», «коммуникация», «интерпретация», «язык», «сознание», «тело» – весь комплекс этих ключевых и других, связанных с ними понятий, существует взаимообусловленно, как бы в «ментальном биоценозе». Они не только связаны семантикой и синтаксисом гуманитарных наук, но и вписаны в более широкий научный и культурный контексты. И их существование исторично в том смысле, что служит ключами понимания чего-то осмысленного для конкретных, тоже исторически существующих сообществ и индивидов. Как древние боги помогали первобытным людям получить доступ к магическим силам природы и социума, так современные понятия естественных и гуманитарных наук позволяют совершать аналогичные по результатам действия. Например: понятия физики и химии служат, в частности, основой производства техники, понятия философии, юриспруденции обеспечивают доступ к законам государства и общества, а через них к общественным ресурсам всевозможных типов. Понятия как коммуникационная среда проявления человеческих сил создают и изменяют, благодаря использованию разнообразных ментальных и физических ресурсов, реальность, в которой живет человек. Поэтому рассматривать их надо комплексно. Необходимо пытаться уловить внепонятийный контекст, в котором происходит становление этих ментальных феноменов, а также определить их самих путем взаимной расстановки смысловых позиций. Это нужно для того, чтобы дать возможность читателю попасть в поле понимания, возникающее благодаря позициям, противопоставленным

друг другу во всевозможных сочетаниях. Ведь невообразимое нечто – то, что как раз подвергается пониманию – лежит по ту сторону семиотических рядов и сетей, за пределами текста. Его локализация неочевидна, но отрицать неопишуемого наличия «нечто» тоже сложно. Если бы это было не так, то текст, вероятно, обладал бы характеристиками линейности – ибо откуда бы тогда приходила мотивация к интерпретации? Это относится к собственно тексту и миру феноменов как тексту, в котором феномены воспринимаются как «глоссы» сферы сознания – то есть, «понимаются и истолковываются». Что же находится по «ту сторону текста»?

Очевидно, что для понятийного интеллекта (в терминологии М.М. Бахтина «дискурсивного теоретического мышления», то есть, «естественно-научного и философского» [1, с. 7]) этот вопрос неразрешим и даже абсурден: внутри, так сказать, «операционной системы Текст» все становится текстом. Сама идея мира как текста имеет глубокие корни. Например: средневековое представление о бытии как книге Божественных смыслов, каббалистическая идея о том, что Тора сотворена до физической реальности (книга Зогар) и содержит в себе все внутренние аспекты реальных вещей. Однако разница между Абсолютом, Текстом и Миром остается основополагающей. В XX в. в постмодернизме происходит методологическое растворение онтологического гаранта семантической определенности в хаосе множественных культурных интерпретаций. Это типическая черта культуры XX века – культуры власти Текста и массового сознания, которым с помощью Текста управляют (манипулируют). Понимание не столько не может прорваться к денотату сквозь интерпретацию, сколько не желает делать этого, не находя для себя смысла в поисках такого референта, который был бы не только идеальной конструкцией. Да и что может поделаться понятийный интеллект с этой природой за гранью знака? Совершенно понятно, что эта область – принятия решений, этики, событий, экзистенциальных выборов, поступков, телесности, личностного знания (М. Хайдеггер, М.М. Бахтин, Л. Витгенштейн, Ж.П. Сартр, М. Бубер, О. Тиллих, В. Франкл, М. Мерло-Понти, М. Полани и другие) нуждается в деятеле – в некотором роде «немыслимом субъекте», который бы не был языковой и интеллектуально-прозрачной конструкцией, а был бытийным, телесным, личностно-уникальным и непрозрачным для любого «объективного» метода. Такой субъект, если говорить о его локализации, должен по определению стоять над текстом и осознавать его инструментальность и свою ответственность за использование текста. В этом смысле

субъект не может, говоря бытовым языком, сослаться, что он только «выполнял приказ». Можно сколько угодно рассуждать об отсутствии возможности для человека выйти за рамки текста теоретически и понятийно-логически, но это нисколько не меняет простого смысла, заключенного в указанной фразе.

М.М. Бахтин так пишет об ответственности индивида в работе «К философии поступка»: «...встают друг против друга два мира, абсолютно не сообщающиеся и не проницаемые друг для друга: мир культуры (*то есть, мир текстов – примеч. Л.Г.П.*) и мир жизни, единственный мир, в котором мы творим, познаем, созерцаем, живем и умираем; мир, в котором объективируется акт нашей деятельности, и мир, в котором этот акт единожды действительно протекает, свершается. Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяли бы по отношению к одному-единственному единству. Этим единственным единством и может быть только единственное событие свершаемого бытия, *все теоретическое и эстетическое должно быть определено как момент его, конечно, уже не в теоретических и эстетических терминах (курсив мой – Л.Г.П.)*. Акт должен обрести единый план, чтобы рефлексировать себя в обе стороны: в своем смысле и в своем бытии...» [1, с. 7-8].

Конечно, существует немало культурных традиций, показывающих подчиненное место текста (языка, речи, интерпретации) в схеме познания человеком мира. Здесь достаточно вспомнить, пожалуй, одну из наиболее радикальных: философскую традицию веданты в индуизме. В адвайте-веданте часто используется метафора, выражающая ее эпистемологическую позицию: «Луна – это не палец, который на нее указывает», а также «Когда вы видите луну, уже нет необходимости смотреть на палец» [6]. Интерпретаторы, как правило, говорят, что речь идет о знании абсолюта, которое, будучи достигнуто, позволяет адепту отбросить все интеллектуальные конструкции – ведь он осознал истинную реальность. Несомненно, это так. Однако абсолют «не дается» восприятию в обыденном мире в чистом виде. Более того, с одной стороны, все, с чем имеет дело истинный адепт (после всех трансформаций) – это только повседневность. Но, с другой стороны, каждый феномен повседневности – это и есть абсолют, так как подлинным существованием обладает только он, остальное – иллюзия (майя, лила). Не вдаваясь в подробности веданты, заострим внимание на ключевой эпистемологической позиции – знание-понимание-бытие

(джняна) имеет не только опору вне текста, но и вообще с какого-то момента перестает в нем нуждаться. Это не значит, что адепт перестает разговаривать. Это значит, что он больше не ищет опоры для своих поступков и решений в словах авторитетов и текстах (даже священных и научных). Хотя коммуницирует, как правило, он вполне адекватно ситуации и в соответствии с нормами общественной жизни. Как и всякий нормальный человек, только немного лучше. Возможно, адепты адвайты-веданты и других эзотерических школ наиболее успешно из всех людей справились с эпистемологической задачей, о которой говорится в этой статье выше: уловить контекст, который стоит за текстом и является его онтологическим гарантом (в данном случае неважно – абсолютно ли он неподвижен по-парменидовски или/и представляет собой чистую процессуальность Гераклита).

Так где же расположено то, что делает выбор и совершает поступки? Или не делает выбора, а позволяет случиться всему, что случается – и это ощущается и понимается как правильное? От смены модальности описания, в данном случае, результат не меняется: где *то*, в чьем свидетельском присутствии случаются события бытия? Очевидно, что оно само – не текст, но при этом текст может и бывает результатом его наблюдений.

Очевидно, ответ на вопрос может быть дан только в рамках какой-то заранее выбранной системы отсчета. В нашем случае эта система задана самой дуалистической основой парадигмы картезианского мышления, которую с разной степенью успеха пытается дополнить современное мышление.

В основе трансформации познавательной установки личности, которой более нет нужды «смотреть на указующий палец» или, говоря шире, держаться за конкретную словесную/теоретическую формулировку, лежит освоение смысла. Смысл – это то, понимание чего освобождает от необходимости помнить термины и позволяет при необходимости рассказать по-своему либо развить дальше данную теоретическую конструкцию. В ситуации «здесь-и-сейчас» для человека как индивида обладающего телом – смысл это не некая «сущность», а живое переживание системы отношений к миру как к многослойному тексту и, одновременно, как к целому – такому же невыразимому, как и сам человек для самого себя. Невыразимость человека и мира определена ситуацией бесконечного ддящегося настоящего момента «сейчас», в котором живой человек пребывает телесно – единственная точка во времени, где существует живое, сознающее тело. Целостность – это другой аспект невыразимости, необходимая характеристика понимания смысла, которая

переживается на довербальном этапе восприятия: это способ борьбы восприятия с открытостью и длящимся актуальным настоящим, которое принципиально незавершаемо – то есть, безгранично. Целостность – это четкая цифровая граница, которую человек полагает среди континуальности своих восприятий-переживаний бесконечного настоящего. На словах она выражается фразой-маркером: «Я понял». На уровне тела – наступает изменение состояния тела – возникает специфическое чувство понимания, которое как понимание всегда практически одно и то же [2], а как понимание некоего содержания, определенной информации – всегда другое, отличное от всех остальных. Джон Серль описывает эти осознанные телесные состояния восприятия как «состояния сознания» и указывает, что каждому восприятию-переживанию соответствует свое определенное состояние сознания: «Каждое сознательное состояние особенно определено качественным подходом к нему, что мы очевидно обнаружим своим анализом ряда примеров. Опыт дегустации пива довольно сильно отличается от прослушивания Девятой симфонии Бетховена и оба они существенно качественно отличаются от вдыхания запаха розы и созерцания заката.... Сознательные состояния существуют лишь в случаях их вызова либо человеческим либо животным субъектом. ... Поскольку сознательные состояния явились в подобном смысле субъективными, они обладают тем, что я бы назвал исходно-персональной (first-person) онтологией» [3].

Таким образом, понимание – это аналогово-цифровой процесс, в котором аналоговая составляющая – это, в частности, осмысленное состояние тела, которое самим субъектом расценивается как «понимание». Роль субъекта – телесно воплощенного, уникального индивида здесь главная – любое понимание случается ради него, и он выступает здесь в полноте своей, говоря словами Джона Серля, неустраимой онтологии первого лица.

Здесь возникает вопрос: а для чего человеку понимать смысл? Теперь можно ответить на него так: понимание ведет к изменению состояния континуума сознания-тела. Говоря обыденным языком – к изменению внутреннего состояния человека. Но восприятие – не пассивный процесс, интенциональность восприятия очевидна – человек хочет, чтобы ему было «хорошо». Если посмотреть на познание с этого масштабного и, одновременно, абстрактного уровня – становится ясно: познание в целом существует только для того, чтобы состояние сознания-тела было хорошее, наилучшее из возможных, чтобы человеку в его реальности было – «хорошо» [4, с. 151].

Что такое «смысл» в этом контексте? И какова роль тела в реализации этой интенциональности познающего индивида, создающего в процессе познания-коммуникации проявленную в феноменальном потоке реальность настоящего момента «сейчас»? Необходимо обратить внимание: наш реальный мир существует только «здесь и сейчас», там же, где существует тело. Сознание – понятийный интеллект может отправляться в прошлое или будущее, оставлять следы и т.д. Тело соприродно миру – оно составляет с ним единое целое и существует только в точке гуссерлевского «теперь». Смысл близок телу и миру – поскольку имеет смысл, извините за невольный каламбур, только для субъекта-индивида. Коллективного понимания не бывает – оно существует только как коммуникативный процесс между индивидами. Смысл близок телу и им же ограничен, в некотором роде. Поскольку смысл переживается как состояние тела, осознаваемое или не очень, по Серлю – «состояние сознания», то смысл не может выйти за пределы возможностей тела, которые, поистине, еще очень и очень далеки от полного изучения. Таким образом, все, что познается, результатом имеет состояние сознания-тела. Тело выступает для смысла познания регулятивом – принципом, который создает интенциональность познания – такую, чтобы этому самому телу (континууму тела-сознания) было «хорошо» [4, с. 249].

Таким образом, тело – это регулятивный принцип для сознания и познания в целом. Тело является воплощенным смыслом в его полноте. Смысл является абсолютным правилом, погруженным в тело. Однако, это смысл, который имеет на данном уровне реализации аналоговую природу: смысл (правило) в этом случае можно пережить, но нельзя выразить словом. Но это только первый элемент/форма в системе взаимоотношений тела с миром и в конструировании – созидании феноменальной реальности – обыденного мира.

Конечно, в обыденной жизни (для естественной установки сознания) все происходит «точно – наоборот». Смысл представляется чем-то конкретным и ограничивающим поведение индивида по-разному в разных житейских ситуациях. Конкретные смыслы как бы погружаются в тело при помощи образования и воспитания. Они фиксируются в памяти тела – которое запоминает свои различные «состояния восприятия-сознания». Впоследствии они служат своеобразной картой коммуникации между членами сообщества и физической реальностью.

Коммуникация – это следующий уровень созидания индивидом феноменальной реальности, который необходимо абстрагировать в рамках рассматриваемой целостности восприятия-творения реальности

обыденного мира (как понимает этот процесс философия конструктивизма Матураны, Варелы, Ферстера, Рота и др.). Коммуникативно-коллективное взаимодействие и образует «ментальный биоценоз», в котором понятийная составляющая начинает играть важную регулятивную роль. Это та среда, в которой происходит проявление как физической, исследуемой наукой, так и социальной, собственно человеческой реальности. Исследование взаимодействий тела, смысла и понимания на уровне «ментального биоценоза» – человеческой феноменальной реальности – тема дальнейшей работы автора.

Список литературы:

1. Бахтин М.М. К философии поступка. // Бахтин М.М. Собр. Соч., Т.1 – М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2003.
2. Бендлер Р. Используйте свой мозг для изменений. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. – С. 115-142
3. Серль Дж. Сознание. [электронный ресурс] – Цит. 29.06.2011 – Режим доступа. – URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1056.html>
4. Суриков К.А., Пугачева Л.Г. Человек в космосе мышления. Введение в эпистемологию. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008.
5. Фейерабенд П. Против метода: очерк анархистской теории познания. – М.: АСТ, 2007 – С. 30,37
6. Wei Wu Wei (Gray Terence). Fingers Pointing Towards The Moon. Reflections of a Pilgrim on the Way. – London. 1958, Routledge and Kegan Paul Ltd., 2003.

СЕКЦИЯ 8. ИСТОРИЯ РОССИИ

ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА НА СПЕЦИФИКУ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Брызгалова Ирина Генриховна

доцент, к. и. н., ЮФУ, г. Ростов-на-Дону

E-mail ibrizgalova@yandex.ru

В период формирования новой российской государственности на Дону и Северном Кавказе в марте-мае 1917 г. осуществлялся поиск моделей регионального управления, учитывая интересы всех слоев населения, исходя из социально-экономических и политических особенностей региона.

Своеобразие социально-экономических условий, особенности в расстановке классовых политических сил, состав населения в различных районах страны обусловили известные отличия в ходе революционного движения, его темпах, формах борьбы.

Проблемы развития и уровень социально-экономических отношений на Дону и Северном Кавказе в начале XX века практически освещался во всех общих работах по истории региона. Создана обширная литература.

Большое значение в региональных исследованиях заняла проблема развития социально-экономических отношений. В ряде работ обстоятельно проанализированы аграрные отношения в казачьих, крестьянских и горских районах накануне 1917 года, прослежены особенности развития промышленности, организация рабочего класса. Полная и подробная историография данных проблем дана в региональных работах [6].

Вопросы о социально-экономических особенностях и противоречиях являются принципиально важными. Общие исследования создали необходимые предпосылки для рассмотрения проблем особенностей революционного процесса и формирования органов власти в регионе [4]. В 80-е годы издан ряд новых крупных исследований по проблеме социально-экономических и политических отношений на Дону и Северном Кавказе. Известным вкладом в разработку проблем революции явилась коллективная монография историков Дона и Северного Кавказа, раскрывающая специфику социально-экономического и политического положения на Дону и

Северном Кавказе [7]. Издание работ региональных историков в 80-х, 90-х годах создало новую историографическую ситуацию. Данные исследования значительно обогатили фактологическую и теоретическую базу истории региона. Важно, что значительно расширилась источниковедческая база: введено в научный оборот большое количество новых архивных материалов [1].

Это выявило тесную взаимосвязь и влияние экономического положения, социальных отношений накануне 1917 года на характер, формы и темпы революционного процесса в регионе, нашло отражение в многообразии подходов к проблемам государственного строительства после Февраля, наложило отпечаток на процесс формирования органов власти на Дону и Северном Кавказе.

Однако до 90-х годов нерешенными оставались вопросы становления и развития новой государственности на Дону и Северном Кавказе после Февраля как целостной системы, взаимоотношения органов Временного Правительства, Советов, казачьих и национальных органов власти, особенности развития этого процесса в регионе. Такой системный подход к проблеме в научной литературе отсутствовал, хотя потребность в нем в историографии определилась. В исследованиях уже ставились для решения данные вопросы: «Первоочередная задача ныне заключается во всестороннем и комплексном изучении разработки социально-экономической проблематики. Для этого созрели все необходимые условия. Такой подход позволит глубже разобраться в мотивах поведения классов, различных групп населения, политических партий и их местных организаций, в деятельности созданных силами революции и контрреволюции общественных институтов» [5, с. 109].

Богатый фактологический материал отечественной историографии, а также новые источники архивные и опубликованные, позволяют сделать выводы: на ход революции в исследуемом регионе оказали влияние своеобразие социально-экономических, политических, общественных и национальных отношений, культура и психология населения.

Социально-экономические противоречия в регионе не были столь острыми, как в центре России. Это было обусловлено тремя группами факторов: экономических, социальных и политических.

К экономическим факторам относились: обширность территории с богатыми природными ресурсами, и благоприятными условиями для хозяйственной деятельности человека; крупнейший аграрно-промышленный комплекс страны, который и в годы войны сохранил за собой ведущее положение. Крестьянские хозяйства

продолжали оставаться крупнейшими производителями и поставщиками сырья и продовольствия. Промышленность работала стабильно. Дороговизна не достигла общероссийских масштабов, более высокая зарплата и более высокий прожиточный минимум у сельского населения, отсутствие карточно-распределительной системы свидетельствовало о том, что население не испытывало острой продовольственной нужды, продовольственный кризис по сравнению с центром страны протекал мягко. К 1917 году регион располагал большими продовольственными запасами, путями сообщения и другими материальными ресурсами. Поэтому военное лихолетье в областях и губерниях края не достигло общероссийских масштабов.

К социальным факторам можно отнести: значительную прослойку городской и сельской буржуазии; наличие казачества, малочисленность пролетариата.

Политические факторы: формирование всенародной оппозиции царизму и характер революционного процесса в регионе, повлияли на развитие общей ситуации в регионе после Февраля 1917 года. Они тоже имели отличия по сравнению с общероссийским политическим процессом.

Процесс формирования всенародной общенациональной оппозиции самодержавию происходил на 2-х уровнях: сверху и снизу. Это четко выразилось в центре страны. Сверху шло соединение на уровне основных политических структур, достаточно разнородных сил на базе неприятия самодержавного режима.

Однако углубляющийся кризис привел к стихийно сформировавшемуся стремлению покончить с самодержавием. Поэтому складывалась оппозиция царизму снизу: шло объединение масс и прежде всего населения столицы и Петроградского гарнизона, ставших решающей силой Февральской революции.

Все это сказалось и на формировании органов власти, образовании в центре страны двоевластия, что в дальнейшем поставило страну перед проблемой политического выбора.

На Дону и Северном Кавказе оппозиция царизму тоже складывалась на 2-х уровнях, как и в центре России. Но, в связи с особенностями развития региона эта оппозиция приобретает несколько иной характер, что нашло отражение в образовании органов власти, их многообразии и специфичности. Существовали органы Временного Правительства и Советы, органы местного самоуправления (земства, думы, управы), а также специфичные органы власти: казахи, национальные.

В регионе в оппозиции царизму верхов и низов наблюдалась большая консолидация на всех уровнях, что выразилось в образовании коалиционных органов власти. Прежде всего, это объяснялось своеобразием социальных отношений, в регионе существовал иной тип социальной структуры: население было однородно, преобладала мелкая буржуазия. Этот огромный промежуточный слой городского и сельского населения (учитывая его особенности в крае) при относительной молодости рабочего класса, тесно связанного с землей, способствовал сближению 2-х типов оппозиции царизму, границы между ними были нечеткими и размытыми. Далее, необходимо учитывать огромную роль и влияние казачества на политическую жизнь региона. Настроения казачества менялись от нейтралитета до полной поддержки Временного Правительства, о чем свидетельствуют резолюции собраний казаков столичных полков, станичных и хуторских сходов, материалы съездов Донского и Кубанского казачества, а также заседаний Войсковых кругов Донского и Терского [2].

Социально-экономическое положение определило остроту политических событий. Особенности социально-экономических отношений, которые сложились в регионе к 1917 году, снижали социальную напряженность. Она не была такой острой, как в центре России. Недовольство населения не перерастало во взрывы. События, которые в Феврале 1917 года произошли в Петрограде, эхом откликнулись на Дону и Северном Кавказе.

Это сказалось на характере революционного процесса. Сравнение общероссийского и регионального революционных процессов свидетельствует, о том, что они протекали совершенно по-разному. Напряжение сглаживалось за счет более мощного экономического потенциала края и менее пролетаризированного состава населения. Национальные и сословные противоречия не имели самодовлеющего значения. В силу чего регион вполне мирно принял Февральскую революцию, она прошла здесь без особых социальных и политических потрясений.

Восприятия событий Февральской революции, и отношение к ним населения региона в связи с особенностями регионального революционного процесса, формировали определенную линию поведения, следовательно, оказали влияние на специфику формирования органов власти новой государственности.

23 февраля в Петрограде начались волнения, в России разразилась Февральская революция. Ее победа решилась в

Петрограде. Как и следовало ожидать, проявление народного недовольства прорвалось по экономической линии.

Общая атмосфера в стране сказалась и на настроениях населения в регионе. Революция перекинулась и в провинцию. Наблюдался определенный рост недовольства. Поэтому генерал-губернаторы и наказные атаманы казачьих областей приказывали подчиненным им атаманам отделов, начальникам округов, полицмейстерам неусыпно следить за настроениями населения, о чем свидетельствуют циркуляры МВД, Департамента полиции [24]. 5 марта 1917 года сообщалось в сводках МВД по региону: «Из Петрограда начинают разъезжать и появляться в тылу и в армии делегации, именующие себя представителями от рабочих и их партии. Они обезоруживают полицию и офицеров. Необходимо принять самые решительные меры, чтобы этот элемент не проник в армию и тыл, чтобы предотвратить дезорганизацию и анархию» [25].

Сообщения о распространении революции стали поступать из сотен городов страны, движение приобрело общенациональный характер [9]. Но ситуация в разных частях страны складывалась по-разному, исходя из экономических и социально-политических особенностей. Центральные города, естественно, страдали больше, чем провинция, а Петроград, который был отдален от производства продовольствия, добычи угля переживал острейший кризис.

На Дон и Северный Кавказ сообщения о революционных событиях в Петрограде дошли с некоторым опозданием. Реакция местных властей была очень осторожной, они выжидали. Только 2 марта 1917 года вышел экстренный выпуск газеты «Приазовский край». Были опубликованы телеграммы о событиях в столице. Наказной атаман граф Граббе призвал население области сохранять общественный порядок, спокойствие, строгое подчинение властям [10]. 4 марта была дана подробная информация о событиях в Петрограде: «Старая власть довела страну до полного развала, а народ до голодания. Терпеть стало невозможно. Население Петрограда вышло на улицы, чтобы заявить о своем недовольстве. Его встретили залпами. Вместо хлеба, царское правительство дало народу свинец, но солдаты не захотели идти против народа и восстали вместе с ним» [12]. Население других городов Донской области узнало о совершении государственного переворота только в первых числах марта [20].

В Ставропольской губернии растерявшаяся администрация не выдала редакциям телеграмм о событиях в Петрограде до 4 марта и лишь 5 марта они были напечатаны в местных газетах [16].

Такая же ситуация сложилась в Кубанской области и Черноморской губернии [14].

Как и в других местах региона, весть о победе Февральской революции и свержении самодержавия дошла до Терека в первых числах марта. Сдержанно и с большой осторожностью власти объявили об этом народу. «Терские ведомости» 3 марта писали: «Ввиду циркулирующих разнообразных слухов сообщается, что в Петрограде произошли события, вызвавшие перемену высших правительственных лиц, причем, в настоящее время пришло успокоение. Соблюдение полного спокойствия населения Кавказа крайне необходимо, как для обеспечения победы армии, так и безостановочного подвоза и снабжения населения продовольствием. 3-5 марта во Владикавказе и всех других городах области выходят официальные телеграммы. Везде полный порядок» [11]. 5 марта начальник Терской области обратился к населению с воззванием, в котором довольно неясно и туманно говорилось об отречении Николая II от престола и необходимости всем гражданам России подчиняться Временному Правительству, «обличенному полнотой власти», и продолжать работу в строгом соблюдении его существующих законов и указаний [17].

Реакция населения была иная, чем у официальных властей. Огромная масса народа бурно встретила Февральскую революцию. Практически во всех городах и крупных населенных пунктах региона состоялись митинги и демонстрации.

Вечером 2 марта в Ростове прошло многолюдное рабочее собрание, митинги проходили на улицах. 3 марта на руднике Парамонова состоялся 4-х тысячный митинг шахтеров и солдат военного лагеря, расположенного с рудником. Аналогичное событие произошло и в Александровск-Грушевском [19]. Обстановка в Таганроге описывалась так: «События последних дней в Петрограде вызвали необыкновенный подъем духа и глубокий интерес всего населения. Весть о революции и об избрании нового ответственного правительства, облеченного народным доверием быстро разнеслась по городу, вызвав торжественное настроение» [13].

Ставрополье встретило революцию восторженно: «Народ у власти. Первые шаги Временного Правительства, взявшегося за устройство жизни, вызывают полное доверие. В селах и городах проходили митинги и демонстрации, срывались царские портреты. В некоторых селах крестьяне разоружали полицию» [21].

Население Терека восприняло события в Петрограде очень спокойно, о чем свидетельствовало донесение, о настроениях

населения Владикавказского округа за январь – февраль 1917 года, представленные Временному генерал-губернатору Терской области от начальника Владикавказского округа. В них делался вывод, что настроение жителей благожелательное, ничего предосудительного замечено не было [22]. Появление аграрного движения не отмечалось. Беспорядков со стороны иногороднего населения, по линии рабочего и профсоюзного движения, случаев забастовок также не было. В Терской области митингов, демонстраций, вооруженного сопротивления войскам и полиции не наблюдалось. В интеллигентских слоях настроения обыкновенные, не вызывающие никаких подозрений в политическом отношении. Не было замечено оживления деятельности политических партий. Далее, в донесении указывалось, что « в отношении населения к войне существенных изменений не произошло. Особых злободневных явлений и недовольства переживаемым моментом и распоряжениями правительства не было. Каких- либо выступлений политического характера не замечалось, как среди общественных организаций, так и среди рабочего класса и других слоев населения» [23].

В самом регионе к Февральским событиям относились неодинаково. Митинги и демонстрации, носившие мирный характер, состоялись только в городах и промышленных центрах региона: Владикавказе, Минеральных Водах, Нальчике, Пятигорске, Моздоке. Манифестации проходили с красными знаменами, основные лозунги: «Да здравствует обновленная Россия!», «Да здравствует власть народа!» [3].

В первых числах марта Грозный, Екатеринодар, Новороссийск, Туапсе, Геленджик отметили свершение революции собраниями, манифестациями. «Приазовский край» констатировал: «В Армавире энтузиазм населения неописуем. Гласные городской думы а частном совещании постановили единогласно приветствовать новую власть» [15].

подавляющее большинство населения региона так же, как и всей страны, радовалось свержению царизма. Журнал горнопромышленников Юга России писал: «Свергнутая династия сконцентрировала на себе такую силу ненависти и презрения, что совершенно невозможно было рассчитывать на устойчивый порядок при монархической форме правления» [8, с. 35].

«Приазовский край» характеризовал обстановку тех дней: «Из разных мест нашего обширного края – Донской, Кубанской и Терской областей, Ставропольской и Черноморской губерний поступают сведения, что население и войска с энтузиазмом встретили весть о

смерти старого режима и о рождении новой молодой России. Царит полное спокойствие и порядок» [18].

Экономические, социальные и политические факторы оказали непосредственное влияние на особенности революционного процесса и как следствие на процесс государственного строительства в регионе после Февральской революции.

Особенность революционного процесса заключалась в том, что регион вполне мирно принял революцию. В силу экономических и социальных особенностей, на Дону и Северном Кавказе была более узкая почва для ультрареволюционных настроений, а основа общедемократического движения шире. Отношения между социальными группами были не так антагонистичны и остры, как в центре России. Недовольство, проявляемое отдельными социальными группами населения, не перерастало в беспорядки. Вся обширная периферия вполне мирно приняла революцию. Она носила политический характер. Об этом свидетельствуют: хроника забастовочного движения, показатели статистики нестачечных и недемонстрационных выступлений рабочих, крестьян и других категорий населения в связи с нехваткой продовольствия, предметов первой необходимости, и на почве дороговизны, а также донесения и циркуляры МВД, Департамента полиции о настроениях населения региона.

Экономические, социальные и политические факторы оказали непосредственное влияние на особенности революционного процесса и как следствие на процесс государственного строительства в регионе после Февральской революции.

Взаимосвязь и взаимозависимость особых экономических и социально-политических условий и как следствие особенность революционного процесса нашли яркое подтверждение, как в ходе формирования, так и в процессе взаимодействия институтов власти Временного Правительства и местного самоуправления после Февраля 1917 года на Дону и Северном Кавказе. Двоевластие в регионе на деле приобрело более сложную конфигурацию, чем принято считать. Сформировалась демократическая (антицаристская власть), «демократическое многовластие», характер которой проявлялся в мирном сосуществовании разных органов власти, существовании коалиционных органов власти, что создавало пространство для политического сотрудничества, возможности компромиссов, политического диалога в решении насущных, жизненно важных вопросов.

Список литературы:

1. Брызгалова И.Г. Разработка земского самоуправления в казачьих районах Дона, Кубани и Терека после февраля 1917 г. // Проблемы казачьего возрождения: Сб. науч.статей. Ч. 2. / Отв.ред. А.И. Козлов.- Ростов н/Д,- 1996; Брызгалова И.Г. Формирование и деятельность местных органов власти на Дону и Северном Кавказе весной 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук.- Ростов-на-Дону,- 1995; Звезда Н.В. Местная власть в области Войска Донского и ее реформирование в марте 1917 - феврале 1918 гг.: Дис. ... канд. юрид. наук.- Ростов-на-Дону,- 1997; Коровин А.А. Государственное управление и местное самоуправление на Кубани в 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук.- Майкоп, 1998; Линец С.И. История Российского государства и органов его управления. – Пятигорск,-2006; Орлова Н.Е. Демократическое преобразование Российского государства Временным правительством в марте-октябре 1917 г. (Социально-экономический аспект): Дис. ... канд. ист. н. - Ростов н/Д: Северо-Кавказская академия госслужбы,- 1997; Сагалаков Э.А. Институт комиссаров Временного правительства: Дис. ... канд. ист. наук.- М., 1997; Трусова Е.М. Массовые организации трудящихся Дона и Северного Кавказа в феврале-октябре 1917 года. - Ростов-н/Д,- 1992; Она же. Возникновение и эволюция органов управления и самоуправления на Юге России в феврале-октябре 1917 года. (Дон, Кубань, Ставрополье). Дисс. ... докт. ист. наук. - М.,- 2000; Она же. Местное управление и самоуправление на Дону, Кубани и в Ставрополье в 1917 году. - Ростов-н/Д. 1999. Шапсугов Д.Ю., Сергеев В.Н., Звезда Н.В. Государственная и местная власть на Дону в 1917 году.- Ростов-на-Дону,- 2000. Шилкина Е.П. Власть и партии: органы городского самоуправления на Дону и Кубани (лето 1917 - лето 1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук.- Ростов-на-Дону,- 1995.
2. Вольный Дон. – 18 апреля 1917; Правда. - 27 февраля 1917; Ростовская речь. – 9 марта 1917.
3. ГАРФ, ф. 6978, оп. 1, д. 391, л. 13.
4. Герман О.Б. Казачье-крестьянские отношения на Дону в 1917 - начале 1918 гг.- Ростов-н/Д,- 2002; Донские казаки в прошлом и настоящем. - Ростов-н/Д,- 1998; Козлов А.И. Власть в революциях и гражданской войне. Февраль 1917. Рождение новой власти // Власть на Дону от первого атамана до первого губернатора. - Ростов-н/Д,- 1999; Трут В.П. Казачий излом

- (Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революций 1917 года). - Ростов-н/Д,- 1997. Дулимов Е.И. История власти и казачьей государственности на Дону. - Ростов-н/Д,- 1999; Дулимов Е.И., Золотарев И.И. Самоуправление казаков: история и современность. - Ростов-н/Д,- 1998; Золотарев И.И. Казачье самоуправление на Дону. (Историческое исследование).- Ростов-н/Д,- 1999; Сенцов А.А. Развитие российского государства после Февральской революции 1917 г.- Краснодар,- 1994.
5. Гугов Р.Х., Козлов А.И., Этенко Л.А. Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе.- Нальчик, 1988. - С. 109.
  6. Гугов Р.Х., Козлов А.И., Этенко Л.А. Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе.- Нальчик,- 1988; Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе: Сборник статей / Отв. Ред. Козлов А.И. - Ростов-н/Д, 1986.
  7. История народов Северного Кавказа. - М.,- 1988; Кириенко Ю.К. Революция и донское казачество. - Ростов-н/Д,- 1988; Козлов А.И. На историческом повороте. - Ростов н/Д: изд-во Ростовского госуниверситета,- 1977; Он же. Социально-экономические, политические отношения, классовая борьба на Юго-Востоке России накануне Октября. - Ростов н/Д.- 1988; Он же. Актуальность проблем истории казачества // Проблемы истории казачества XVI-XX вв. /Отв. ред. д-р ист. наук А.И. Козлов - Ростов н/Д: Изд-во Рост.ун-та,1995.; Он же. Возрождение казачества: (история и современность, эволюция, политика, теория). – Ростов н/Д,- 1996.
  8. Измозик В. Оглянемся на историю. 1917 год: легенды и факты. // Наука и жизнь. - 1991. - № 2. С 35.
  9. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. – М.1993. - С. 144.
  10. Приазовский край. – 2 марта 1917.
  11. Приазовский край. – 4 марта 1917.
  12. Приазовский край. – 4 марта 1917.
  13. Приазовский край. – 5 марта 1917.
  14. Приазовский край. – 5 марта 1917; . Ростовская речь. – 15 марта 1917.
  15. Приазовский край. – 6 марта 1917.
  16. Приазовский край. – 8 марта 1917.
  17. Приазовский край. – 8 марта 1917.

18. Приазовский край. – 13 марта 1917.
19. Ростовская речь. – 6 марта 1917.
20. Ростовская речь. – 17 марта 1917.
21. Северо-Кавказское слово. – 12 апреля 1917.
22. ЦГАСО, ф. 24, оп. 1, д.42, л.1.
23. ЦГАСО, ф. 24, оп. 1, д.42, л.3, 6.
24. ЦГАСО, ф. 24, оп. 1, д.40, л. 28.
25. ЦГАСО, ф. 24, оп. 1, д.40, л. 28.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВНУТРЕННИЕ ЗАЙМЫ СССР 1930-Х ГОДОВ

Пинаев Сергей Михайлович

*Старший преподаватель кафедры философии, Рязанский институт
(филиал) Государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Московский государственный
открытый университет», г. Рязань
E-mail: dir@rimsou.ryazan.ru*

Кредитная политика советского руководства во втором десятилетии своей деятельности изучена недостаточно полно. Если политическая, идеологическая и организационная составляющие форсированного развития советской экономики на рубеже 1920-1930-х годов освещены в работах ученых-историков довольно широко, то финансовая сторона этого процесса долгое время оставалась несколько в тени. Мобилизация ресурсов государства и всего населения потребовала применения не только добровольных, но и принудительных методов и форм, о чем в нашей историографии сказано явно недостаточно. Целью работы является восполнение этого пробела на основе разнообразных архивных и печатных источников, что позволит более объективно оценивать этот период истории советского государства.

Массовые заемные операции в 30-е годы, продолжая сложившуюся в 20-е годы практику проведения внутренних государственных займов, стали неотъемлемой частью пятилетних и годовых планов развития народного хозяйства. Их проведение не вызывало никаких трудностей, продолжая найденную в результате множества экспериментов добровольно-принудительную форму, а мощное идеологическое воздействие на население позволяло

превращать займы в демонстрацию верноподданнических чувств любви народа к своей социалистической Родине и коммунистической партии.

После трех займов индустриализации, которые были реализованы в конце 20-х годов, Постановлением ЦИК и СНК от 30 апреля 1930 г. был выпущен заем «Пятилетка – в четыре года» на сумму 800 млн. руб. сроком на десять лет. В ходе подписки Наркомат финансов увеличил контрольную цифру сначала на 100 млн. руб., а затем еще на 220 млн. руб., доведя ее до беспрецедентного размера в 1 120 млн. руб., а вместе с резервом – до 1 200 млн. руб. [9]. Президиум ВЦСПС обратился ко всем трудящимся с предложением отдать займы государству двух - трехнедельный заработок, однако на местах подписка шла под лозунгом «Месячный заработок – в заем!». Агитационно-пропагандистская кампания за подписку на заем была широко развернута как в центральной печати, так и на местах. Финансовые органы, опираясь на поддержку советского, партийного и профсоюзного аппарата, старались придать подписной кампании не только экономический, но и политический характер, активно призывали трудящихся поддержать правительство своими сбережениями, внести свой вклад в выполнение грандиозных планов пятилетки. Лозунг кампании был таким: «Не должно быть членов профсоюзов и колхозов без облигации займа «Пятилетка в четыре года». Особенностью займа было то, что он имел два реализационных периода: первый – до 1 октября 1930 г. для городского населения и до 1 ноября 1930 г. для сельского, второй период – в течение 1931 г.

Однако, несмотря на мощное идеологическое давление, дела с подпиской шли далеко не блестяще. Вот что писала газета «Правда» от 30 сентября 1930 г. в заметке «Нужен крутой поворот»: «Подписка среди рабочих и служащих по СССР дала 64,9%. Сравнение темпов реализации займа «Пятилетка в четыре года» с Третьим займом индустриализации по подписке среди рабочих и служащих показывает, что реализация займа «Пятилетка» идет хуже». Здесь же, в заметке «Деревня далеко отстала от города» приводятся такие цифры: «Подписка на заем «Пятилетка в четыре года» среди крестьянства происходит чрезвычайно медленно. На 20 августа в этом секторе распространено займа на 19 104 600 руб., что составляет только 12,3% контрольного задания». Еще более безрадостную картину рисует «Правда» от 5 сентября 1930 г.: «Неудовлетворительный ход подписки на заем, особенно в деревне, находит свое объяснение в следующих причинах: оппортунизм, косность и бездействие низовых организаций,

недооценка и игнорирование займа со стороны партийных, профессиональных и общественных организаций».

Интересно отметить изменение позиции Наркомата финансов в отношении сельского населения: «В связи с коренной перестройкой деревни большая часть займа «Пятилетка в четыре года» будет размещаться среди членов колхоза на таких же основаниях, на каких заем размещается среди рабочих и служащих. Наркомат финансов СССР предполагает вовлечь в подписку от 70 до 80% всех вошедших в колхозы хозяйств, благодаря возможности применения здесь тех же методов размещения займа, что и среди коллективов рабочих и служащих» [10]. Организаторы займа также планировали значительно повысить уровень подписки среди неорганизованного городского населения и деревенских жителей, однако эти планы не осуществились. И все-таки, несмотря на все трудности и опасения, заем «Пятилетка в четыре года» был успешно реализован. Особенностью его реализации стало разрешение в качестве поощрения тем округам, которые выполнили контрольное задание, оставлять у себя 50% от сумм проданных сверхплановых облигаций (ранее эта цифра не превышала 10%).

В этом же году государство проводит первую конверсию внутренних государственных займов, объявленную Постановлением ЦИК и СНК от 22 февраля 1930 г. Согласно этому постановлению владельцы облигаций Первого и Второго займов индустриализации и Займа Укрепления Крестьянского Хозяйства должны были обменять их на облигации займа «Пятилетка – в четыре года» в срок с 1 августа до 1 октября 1930 г. При обмене в этот период владельцам облигаций займов индустриализации выплачивались компенсации за процентную разницу, а после этого срока до 1 января 1931 г. облигации можно было обменять только в кредитных учреждениях по номинальной стоимости. Облигации Третьего займа индустриализации не обменивались, а оставались в обращении, так как его условия и проценты совпадали с займом «Пятилетка в четыре года». 4 июня 1930 г. в газете «Правда» были опубликованы уточненные правила обмена облигаций. Обмен производился всеми кредитными учреждениями в период с 15 июня 1930 г. по 1 января 1931 г., в связи с чем проводились дополнительные тиражи выигрышей по займам, чьи облигации подлежат обмену. Также подробно прописывались процедуры перерасчета процентов по купонам и обмен облигаций, заложенных по ссудам.

Эта операция не была неожиданной, о необходимости ее проведения давно говорили ведущие ученые-экономисты. Еще в 1929

г. М.И. Боголепов писал: «Программа кредитной политики предусматривает значительное снижение займового процента и возможное удлинение сроков, на которые заключаются займы. Эти меры позволят повысить бюджетную эффективность государственных займов» [8]. Кроме того, многие письма и обращения с мест говорили о запутанности и сложности отслеживания тиражей выигршей множества займов, путаницу в их купонах и сроках получения процентов по ним. Судя по тому, что обменная операция прошла нормально, можно сделать вывод, что момент для нее был выбран удачно.

В это же время руководство страны продолжало активную борьбу с практикой массового сброса облигаций займа. Анализ показывал, что этот показатель значительно снижал эффективность кредитной политики государства. Только за 1928-29 бюджетный год сброска облигаций составила 103,8 млн. руб., их которых 68,6 млн. руб. приходилось на население и 35,2 млн. руб. – на общественный сектор [12]. Попытки противостоят такому положению дел предпринимались постоянно, но без особого успеха. Призывы хранить облигации всегда уступали место насущным нуждам, а к жестким административным мерам в кредитной политике государство переходить не хотело, боясь политических осложнений. Выход из создавшегося положения предложил начальник отдела государственных займов Наркомата финансов СССР И.Эпштейн: «Мы просим дать нам взаимобразно месячный заработок, но будем рассчитывать на 50% от него. Но нельзя принимать такие решения на общих собраниях коллектива, обязательные для всех. Мы в Москве отменяли резолюции таких собраний по Первому займу индустриализации, если узнавали о них. Другое дело – политические резолюции, принятые организацией пролетариата, например решение Пленума Моссовета. Партийные, профсоюзные призывы должны быть, но они не должны носить директивного характера. Мы знаем, что у нас не бывает невыполненных партийных директив. Поэтому контрольная цифра по займу дается Наркоматом финансов только для финансовых органов, иначе это будет принуждением» [11].

Иначе говоря, те меры принудительного характера, которые не может предложить государство, вполне могут предложить профсоюзные и партийные организации. Таким образом, инициатива в принятии непопулярных решений о конверсии, увеличении суммы займов и т.д. переходит как бы к самим трудящимся, а государство только одобряет и поддерживает эти действия. Главная роль в исполнении таких решений принадлежит постоянно действующим

Комиссиям содействия, которые к этому времени были организованы и успешно работали повсеместно. И далее И. Эпштейн пишет: «В Америке считают, что наши низовые бесплатные Комиссии содействия являются величайшей силой, и только потому, что у нас имеется такой аппарат, мы можем что-нибудь сделать». (Там же.)

Вот так просто и кратко изложена суть добровольно-принудительного метода реализации государственных займов. Правительство открыто и постоянно напоминает о добровольности при подписке на заем, а партийные, профсоюзные и другие общественные организации по своим каналам обязывают своих членов покупать облигации, проявляя тем самым политическую сознательность и выполняя уставные требования. В сочетании с укрепляющейся партийной диктатурой, идеологическим давлением и нагнетанием атмосферы страха в обществе массовыми репрессиями против классовых врагов эта политика дала блестящие результаты.

Весной 1931 г. началась подготовка к выпуску нового займа. Так, в номере газеты «Правда» от 22 мая теме займа посвящена четвертая полоса. В редакционной статье приводятся данные о динамике подписных кампаний: «Первый заем индустриализации был выпущен на 200 млн. руб., а фактическая подписка дала 216 млн., Второй заем индустриализации вместо 500 млн. руб. дал 550 млн., Третий заем индустриализации, выпущенный на 750 млн. руб., собрал 941 млн., а заем «Пятилетка в четыре года» дал вместо запланированных 800 млн. руб. - сумму в 1 120 млн. руб. Эти цифры являются яркой иллюстрацией несокрушимой роли пролетариата и всех трудящихся СССР в построении социалистического общества», - пишет газета. В последующих номерах опубликовано множество материалов о поддержке этой инициативы трудящимися всей страны.

Хорошо организованная пропагандистская кампания дает желаемый результат - 9 июня 1931 г. Постановление ЦИК и СНК объявило о втором выпуске государственного займа «Пятилетка в четыре года» (выпуск третьего, решающего года пятилетки). В нем, в частности, говорилось: «Заем «Пятилетка в четыре года», выпущенный в 1930 г., вызвал исключительный подъем и активность широких народных масс, подписка которых на этот заем в кратчайшие сроки превысила первоначально установленную правительством сумму выпуска займа. Второй выпуск идет под лозунгом выполнения плана третьего, решающего года пятилетки. Сумма займа определена в 1 600 млн. руб., срок - десять лет, с 1 декабря 1931 г. по 1 декабря 1941 г.» [3]. Постановление ВЦСПС, опубликованное в этом же номере газеты «Правда», призывало всех трудящихся дать займы государству

не менее трехнедельного заработка. Основными методами работы по размещению займа стали широко развернутое социалистическое соревнование, ударничество, шефская работа, общественный буксир и конкурсы на лучшую реализацию займа. ВЦСПС утвердил три новых переходящих Красных Знамени – для совхозов и МТС, колхозов и кооперативных организаций, работников советских учреждений. Подписной кампании был придан характер важнейшей общественно-политической акции, которая широко освещалась в прессе. Она отражала реалии того времени и была связана с историческими моментами начала 30-х годов. Вот выдержка из интервью заместителя Наркома финансов СССР тов. Генкина, опубликованного в «Правде» 12 июня 1931 г.: «... правым оппортунистам, делающим ставку на самотек, и левым загибщикам, которые пытаются заменить массовую агитационную работу администрированием, необходимо дать сокрушительный отпор. Кампания по займу должна быть поднята на большую политическую высоту».

В борьбе за массовость подписной кампании были найдены новые оригинальные формы: за распространение займа стали агитировать иностранные специалисты, работающие на советских предприятиях. В частности, с такими призывами обратились доктор химии Дорн, доктор физики Квитнер, инженеры Мускатблат и Марголин, архитектор Дакоста. 17 июня в «Правде» публикуется обращение участников Всесоюзного совещания по организации труда в колхозах о подписке на заем сельских тружеников в размере двадцати одного трудодня. Благодаря широкому пропагандистскому нажиму и четко отработанной процедуре подписной кампании, заем был реализован в небывало короткий срок (основные контрольные цифры были достигнуты за 20 дней), общая сумма подписки превысила 2 млрд. руб.

В январе 1932 г. прошла 17-я партийная конференция ВКП (б). Выступая на ней, Нарком финансов СССР тов. Г. Гринько заявил: «Совершенно очевидно, что во второй пятилетке мы сможем более смело продолжать линию на то, чтобы участие средств населения в социалистическом строительстве шло все в меньшей мере по линии налогов и все в большей степени было организовано по линии добровольного участия широчайших народных масс своими денежными средствами. Но это означает, что тот поворот финансовой работы, та политизация финансовой работы, которая получила уже мощный толчок в 1931 г., должна быть продолжена в гораздо больших размерах в 1932 г. и в последующие годы. Громадные капиталы временно свободных средств населения могут и должны попасть в

орбиту социалистического строительства, должны будут пойти на ускорение темпов социалистического строительства на добровольных началах» [13].

Подготовка к очередному займу началась с публикации в «Правде» от 2 июня 1932 г. открытого письма рабочих, специалистов и служащих Московского автомобильного завода им. Сталина ко всем рабочим, специалистам, служащим, колхозникам, трудящимся крестьянам-единоличникам, в котором, в частности, говорилось: «С большим успехом прошло по всей стране размещение займа «Третьего, решающего года пятилетки». 33 млн. трудящихся во всей стране внесли в заем свыше двух миллиардов рублей. Дадим советскому правительству займы новые миллиарды, чтобы в этом году закончить первую пятилетку». В прессе, как обычно, развернулась широкая кампания поддержки этой инициативы, и 8 июля 1932 г. правительство выпускает «Заем четвертого, завершающего года пятилетки» (третий выпуск) на сумму 3 200 млн. руб. сроком на десять лет с 1 декабря 1932 г. по 1 декабря 1942 г. Структура займа не изменилась, одна его часть была беспроцентно-выигрышной, а другая – процентной. Постановление было опубликовано в газете «Правда» от 10 июня 1932 г., здесь же было помещено обращение Президиума ВЦСПС о проведении подписной кампании под лозунгом «Трехнедельный заработок – займы государству», а с 11 июня газета начинает публиковать ежедневные рапорты с мест о ходе подписки. Предприятия, учреждения, колхозы, экипажи кораблей, города и районы докладывали о выполнении и перевыполнении контрольных цифр задания Наркомата финансов, рассказывали о передовиках подписки, вызывали на соревнование соседей и смежников. Через двадцать дней кампания в основном завершилась. Информацию о завершении подписки и достижении контрольной цифры в 3 200 млн. руб. «Правда» дает 17 июля, отмечая в числе передовиков, кроме Москвы и Ленинграда, Иваново, Свердловск, Пермь, Тифлис, Харьков, Воронеж, Минск, Нижний Новгород, Смоленск, Крым. Отличительной чертой займа стало широкое участие в нем колхозного крестьянства, которые за двадцать пять дней подписались на 225 млн. руб., в то время, как в прошлом году эта сумма была в 43 млн. руб.

А вот как высказалась по этой теме «Большая советская энциклопедия», вышедшая в свет в 1933 г.: «В СССР государственные займы служат исключительно хозяйственным целям; рентабельность вложений, в особенности с учетом не только прибыли, но и прочих элементов накопления, калькулируемых в цене, совершенно

достаточна для уплаты процентов и даже погашения по государственному долгу. Отсюда вывод – советские государственные займы – не источник покрытия дефицита, не антиципация налоговых изъятий, но вполне здоровый путь привлечения средств для финансирования народного хозяйства. В 1932 г. государственные займы составили 14,6% огромного, почти 30-миллиардного бюджета. Если учесть соответствующие доходам расходы по линии займов, то чистый остаток составит 3 387 млн. руб. или 11,3% бюджета» [1].

На следующий год подготовка к новому займу началась на страницах «Правды» 10 мая 1933 г., на третьей полосе которой появилась подборка о результатах использования займов в социалистическом строительстве. «Наш главный выигрыш, - подчеркивает газета – исторические итоги первой пятилетки, подведенные январским Пленумом ЦК и ЦКК. Наш главный выигрыш – Сталинский тракторный завод, Харьковский тракторный завод, Челябинский тракторный завод, Днепрострой, Магнитострой, Кузнецкстрой, ГАЗ и другие гиганты социалистической индустрии. Это и 2446 МТС, 5 тысяч совхозов, 120 тысяч новых тракторов», - пишет газета. 14 мая 1933 г. выходит Постановление ЦИК и СНК «О государственном внутреннем займе второй пятилетки» (выпуск первого года). Характерна его преамбула, отражающая дух времени: «Осуществляя лозунг «Пятилетка в четыре года», рабочий класс, колхозники, все трудящиеся Советского Союза добились под руководством коммунистической партии и ее ленинского ЦК во главе с товарищем Сталиным всемирно-исторических побед в строительстве социализма. Для обеспечения финансирования строительства первого года второй пятилетки выпустить Государственный внутренний заем второй пятилетки (первый выпуск) на сумму 3 млрд. руб. сроком на десять лет с 1 октября 1933 г. по 1 октября 1943 г.» [2] Структура займа осталась прежней, облигации достоинством в 100 рублей предусматривали деление на две, четыре, десять и двадцать частей. Все льготы и нормы отчислений были сохранены.

По отработанной схеме со следующего номера началось освещение хода подписки, которая была также завершена в основном за две декады. 10 июня передовой статьей «Три миллиарда» газета подвела итоги подписной кампании. Они оказались следующими: заем размещен за двадцать дней на сумму 3 050 млн. руб., город перекрыл контрольные цифры на 200 млн., деревня дала 635 млн. руб. из которых 520 млн. – колхозники. Подписка продолжалась под лозунгом «Ни одного трудящегося города и деревни без облигаций «Займа второй пятилетки!». Какими же кошунственными выглядят эти

бравурные репортажи на фоне архивных материалов, отражающих истинное положение дел в российской глубинке. Вот некоторые из них. Из докладной записки секретаря Петровической ячейки ВКП (б) Щербакова секретарю Спасского районного комитета ВКП(б) Рязанской области от 14 августа 1933 г.: «Настоящим сообщая о том, что большинство колхозников колхоза «Большевик» не имеют совсем хлеба. За отсутствием хлеба некоторые колхозники не выходят на работу, а ходят побираются. Дело доходит до того, колхозники падают на работе. Имеются опасения в проведении уборочной кампании, которая может быть не выполнена в установленные сроки, о чем ставлю в известность и прошу оказать помощь: сейчас требуется хлеба не менее трех тонн. Этих возможностей мы у себя не имеем. Некоторые колхозники распродают всю скотину» [6]. Однако в целом официальная пропаганда не освещала ни усиление репрессий, ни массовый голод 1932 г., ни экономические трудности на селе, праздничный тон большинства публикаций говорил о всенародной поддержке кредитной политики государства населением.

На следующий год подготовка к займу началась 11 апреля 1934 г. публикацией в «Правде» письма рабочих московского электрокомбината, выигравших по займам. 12 апреля публикуется обращение ударников труда Магнитогорского металлургического комбината с предложением выпустить новый заем. 14 апреля выходит Постановление ЦИК и СНК «О государственном внутреннем займе второй пятилетки» (выпуск второго года), опубликованное 15 апреля. Сумма займа – 3,5 млрд. руб., срок – десять лет с 1 октября 1934 г. по 1 октября 1944 г. Структура займа, льготы, номинал и деление облигаций остались прежними. Обращение ВЦСПС, опубликованное здесь же, призывало трудящихся отдать займы государству трехнедельный заработок. Подписная кампания и ее освещение в печати идет по отработанному сценарию. 22 мая в передовице «Правды» подводятся итоги: заем реализован полностью, 50 млн. подписчиков дали займы государству 3,5 млрд. руб. на социалистическое строительство.

В 1935 г. пропагандистская машина уже обходится без всяких подготовительных мероприятий: 5 мая «Правда» дает передовую статью «Заем миллионов» и здесь же публикует Постановление ЦИК и СНК от 4 мая 1935 г. «О государственном внутреннем займе второй пятилетки» (выпуск третьего года). Сумма займа – 3,5 млрд. руб., срок – 10 лет с 1 октября 1935 г. по 1 октября 1945 г. Структура, льготы и номинал облигаций оставлены без изменений, кроме двух моментов – заем дает 8% годовых вместо прошлогодних 10% и отчисления в

местный бюджет от реализации займа в деревне предусмотрены в размере 50% от собранных сумм (в прошлом году – 25%). В обращении ВЦСПС тоже все по-прежнему – трехнедельный заработок дадим займа государству. Газета разъясняет народу, что оставшуюся без изменений сумму займа следует понимать как заботу правительства о благе трудящихся, потому что бюджет за последний год вырос с 49 млрд. руб. до 65,9 млрд. руб., а фонд оплаты труда рабочих и служащих - с 41 млрд. руб. до 50 млрд. руб., выросли и доходы сельского населения.

В 1936 г. центральный орган ВКП (б) газета «Правда» вообще не уделяет внимания займу. Она не публикует ни письма с мест, ни доклады об успехах кредитной политики, ни само постановление о новом займе. Его публикуют другие издания – газеты «Известия» и «Экономическая жизнь». А все дело в том, что Постановление ЦИК и СНК от 1 июля 1936 г. называлось так: «О государственном внутреннем займе второй пятилетки (выпуск четвертого года) и о конверсии ранее выпущенных внутренних займов». Сумма займа – 4 млрд. руб., срок – 20 лет с 1 сентября 1936 г. по 1 сентября 1956 г. под 4% годовых. Здесь же говорилось, что в целях дальнейшего удешевления кредита и улучшения всей организации дела государственных внутренних займов необходимо провести конверсию ранее выпущенных внутренних займов и провести обмен их облигаций на облигации Займа Второй Пятилетки (выпуск четвертого года) [7]. Сроки обмена облигаций устанавливаются с 1 сентября 1936 г. по 1 марта 1937 г., затем до 1 сентября 1937 г. обмен будет продолжен в сберегательных кассах, после чего не обмененные облигации потеряют свою силу и обмена не подлежат. Понятно, что такое известие о резком снижении доходности всенародных займов не могло обрадовать население, поэтому его и не объявила главная газета страны, громко вещающая о победах социалистического строительства, это дело поручили другим изданиям. Передовая статья «Экономической газеты» от 2 июля 1936 г. «Заем могущества и изобилия» поясняла необходимость принятых мер так: новая экономическая обстановка и новые колоссальные задачи нашли свое отражение в условиях и структуре нового займа, снижение годового процента которого неразрывно связано со всеми предыдущими мероприятиями по удешевлению кредита в СССР. То есть, высокая стоимость кредита уменьшала возможности государства по снижению розничных цен и улучшению материального положения трудящихся. А вот теперь, когда этот недостаток будет исправлен, трудящиеся в полной мере ощутят всю мощь государственной заботы. В общем,

деньги населению напрямую платить нецелесообразно, государство лучше знает, куда и зачем их направить – таков смысл всех объяснений принятых изменений. Этой операцией государство сэкономило значительную сумму, так как на руках у 50 млн. займодержателей находилось около 860 млн. облигаций.

Судя по дальнейшим публикациям, население с восторгом восприняло новые условия займа и за десять дней подписалось на новый заем на сумму в 4 227 608 тыс. руб. За это же время было обменено облигаций на 3 млн. руб., общая сумма подписки составила 4 800 млн. руб., а через год обмен облигаций завершили 41,8 млн. человек на сумму 13,7 млрд. руб. [5].

В 1937 г. вторая пятилетка подходила к завершению, но третий пятилетний план еще не был объявлен. В этих условиях правительство принимает решение выпустить новый заем, напрямую не связанный с экономикой (хотя бы по названию). В июне газеты начинают публиковать многочисленные обращения трудовых коллективов к правительству с просьбой выпустить новый заем. Его инициаторами стали железнодорожники станции Москва-Сортировочная, чье обращение ко всем трудящимся страны было опубликовано 15 июня 1937 г. Оно заканчивалось очень характерными для того времени словами: «В ответ на попытки врагов и изменников Родины расшатать мощь и обороноспособность СССР обращаемся к Советскому правительству с просьбой выпустить новый заем – «Заем обороны СССР».

1 июля 1937 г. выходит Постановление ЦИК и СНК «О выпуске Государственного Внутреннего «Займа Укрепления Оборона Союза ССР» на сумму 4 млрд. руб. сроком на 20 лет с 1 декабря 1937 г. по 1 декабря 1957 г. под 4% годовых. В статье «Заем укрепления обороны СССР», опубликованной в газете «Правда» от 2 июля 1937 г. рядом с текстом постановления, Нарком финансов Г.Ф. Гринько пишет: «Наши займы всегда размещаются с огромным успехом и не раз они выпускались по прямому требованию трудящихся. Но никогда еще требования народных масс не были так многочисленны, не выражались с таким политическим подъемом. Народы Советского Союза зорко следят за фашистскими поджигателями войны, готовящими нападение на СССР. И по мере того, как разоблачаются многочисленные факты шпионажа, диверсий, вредительства, все острее становится ненависть народных масс против презренных агентов фашизма, тем теснее сплачиваются народные массы Советского Союза вокруг партии Ленина-Сталина». В газете «Экономическая жизнь» в номере от 2 июля публикуется статья

профессора М. Боголепова «Сила советского государственного кредита», в которой он приводит такие данные: во второй пятилетке общая сумма доходов государственного бюджета составит 339,7 млрд. руб., из этой суммы путем массовых займов собирается 18,1 млрд. руб. или 5,3% всех бюджетных доходов. Около 2% всех расходов бюджета уходит на уплату и погашение накопленного долга. Таким образом, с количественной стороны государственный долг СССР не может составить какой-либо «проблемы», тем более, что ежегодно госбюджет выполняется со значительным превышением доходов над расходами. Один из самых авторитетных экономистов того времени подчеркивает мысль о необходимости усиления кредитной политики государства, расширении социальной базы массовых кредитов, что соответствует повышению материального уровня населения. В этой же статье он приводит такие данные: «Держателей облигаций у нас более 50 млн. человек. На каждого приходится примерно 360 руб. государственного долга. Эти 360 руб. накоплены главным образом на протяжении последних пяти лет, то есть в среднем по 72 руб. в год на одного держателя. О том, что такое накопление вполне по средствам трудящимся, можно судить хотя бы по тому, что в текущем году 72 рубля составят лишь 2,3% от средней годовой зарплаты рабочего и служащего (3 025 руб.) крупной промышленности». Новый заем был успешно реализован, как и предыдущие. Только за первые пять дней подписка дала сумму в 3 664 026 руб. На 31 августа 1937 г. общая сумма подписки составила 4 915 807 тыс. руб., что превысило сумму выпуска на 915,8 млн. руб.

На следующий год Постановление СНК СССР «О выпуске Государственного Займа Третьей Пятилетки» (выпуск первого года) было опубликовано в газете «Правда» 2 июля. В нем говорилось: «В целях привлечения растущих сбережений населения на осуществление задач хозяйственного и культурного строительства третьего пятилетнего плана и на нужды дальнейшего укрепления обороны страны, Совет Народных Комиссаров в соответствии с многочисленными пожеланиями трудящихся постановляет выпустить Государственный Заем Третьей Пятилетки (выпуск первого года) на сумму 5 млрд. руб. сроком на 20 лет с 1 декабря 1938 г. по 1 декабря 1958 г. из расчета 4% годовых.». Условия и структура займа не изменились. По устоявшейся традиции подписная кампания проведена в кратчайшие сроки, плановые задания выполнены полностью.

В 1939 г. Постановление СНК СССР «О выпуске Государственного Внутреннего Займа Третьей Пятилетки» (выпуск второго года) появляется 1 августа, газета «Правда» публикует его на

следующий день на второй полосе, как бы подчеркивая обыденность этого мероприятия. Сумма займа - 6 млрд. руб., срок – 20 лет с 1 декабря 1939 г. по 1 декабря 1959 г. под 4% годовых. В редакционной статье «Заем третьей сталинской пятилетки» подчеркивается, что на прошлогодний заем подписалось более 50 млн. человек, сумма подписки перекрыта на 887 млн. руб., что красноречиво говорит о всенародной поддержке курса партии на строительство социализма. Традиционное обращение Президиума ВЦСПС призывает трудящихся дать займы государству двух-трех недельный заработок. Статья Наркома финансов СССР А. Зверева «Государственные займы страны социализма» дает убедительную картину все более улучшающегося благосостояния населения: средняя годовая зарплата промышленных рабочих выросла с 1513 руб. в 1933 г. до 3447 руб. в 1938 г., а фонд заработной платы – с 34,9 млрд. руб. до 96,4 млрд. руб. За двенадцать последних лет население выросло на 23,5 млн. человек и на 17 января 1939 г. составляло 170 467 186 человек. Все это говорит о расширении социальной и материальной базы кредитной политики, которая стала неотъемлемой частью социалистической экономики.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что государственные внутренние займы в 1930-х годах были важным финансовым инструментом кредитной политики советского государства. Они являлись не только дополнительным источником поступления денежных средств в бюджет, но и представляли собой серьезный политический фактор, оказывающий влияние на сплочение населения вокруг коммунистической партии и советского правительства. Несмотря на отдельные недостатки, займы, проводимые в виде ударных подписных кампаний, реализовывались в кратчайшие сроки и в полном объеме. В условиях нарастания международной напряженности, усиления вероятности новой войны это имело огромное историческое значение, что и подтвердил весь ход дальнейших событий.

Список литературы:

1. Большая советская энциклопедия. М. 1933. ОГИЗ РСФСР. С. 22-25.
2. Газета «Правда» от 15 мая 1933 г.
3. Газета «Правда» от 10 июня 1931 г.
4. Газета «Экономическая жизнь» от 12 июля 1936 г.
5. Газета «Экономическая жизнь» от 2 июля 1936 г.
6. Государственный Архив Рязанской области (ГАРО) Ф.294. О.1. Д.86. Л.9.

7. ГАРО Ф.294. О.1. Д.86. Л.75.
8. Журнал «Экономическое обозрение» № 4 за 1929 г. Статья «Бюджетная проблема в пятилетнем плане народного хозяйства». С. 44.
9. Письмо Наркомата финансов от 13 января 1931 г. за подписью заместителя наркома Левина. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 7733. О.8, Д.105. Л.16.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф.7733. О.8. Д.105. Л.143.
11. РГАЭ. Ф. 7733. О.6. Д.391. Л.227.
12. РГАЭ. Ф.7733. О.7. Д.357. Л.4.
13. РГАЭ. Ф.7733. О.10. Д.61. Л.31.

НАРОДОВОЛЬЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ 1888 – 1890 ГГ.

Цымрина Татьяна Валерьевна

к. и. н., доцент ГТИ ЮФУ, г. Таганрог

E-mail: tv71@mail.ru

Народовольческая организация 1888 – 1890 гг., известная также как сабунаевская организация, по имени её лидера М.В. Сабунаева, – крупнейшая народовольческая организация второй половины 80-х гг. XIX в. Попытка М.В. Сабунаева восстановить «Народную волю» как всероссийскую партию была наиболее успешной. Она не увенчалась успехом в силу случайных обстоятельств. Однако деятельность этой организации почти не освещалась в отечественной историографии. Вероятно, это можно объяснить тем, что активный член связанной с ней эмигрантской организации В.Л. Бурцев во время революции и гражданской войны выступал против большевиков в печати. Сабунаевская организация упоминается только в книге жандармского генерала А.И. Спиридовича «Революционное движение в России» [6, с. 14–24] и в монографии В.В. Широковой «Партия Народного права» [9]. Основными источниками по истории народовольческой организации 1888 – 1890 гг. являются воспоминания С.А. Островского, В.С. Турковского, В.Л. Бурцева, Л.В. Фрейфельда и Обзор важнейших дознаний за 1890 г. Обзор важнейших дознаний составлялся по материалам следствия, следовательно, является вторичным источником. Это источник, исходящий из правительственного лагеря. Однако в нём нет

неточностей тенденциозного характера и существенных противоречий с воспоминаниями народовольцев. В Обзор включены проекты программы организации. Первый написал один из лидеров петербургской народовольческой организации К.Р. Качоровский, автор второго неизвестен [1]. С.А. Островский был лидером костромской народовольческой организации, лично знал М.В. Сабунаева. В.С. Турковский входил в ученический кружок, организованный С.А. Островским в костромской духовной семинарии. В.Л. Бурцев входил в парижскую группу эмигрантской народовольческой организации. Л.В. Фрейфельд был членом группы С.М. Гинсбург, действовавшей самостоятельно, но связанной и с эмигрантами, и с сабунаевской организацией. Таким образом, все мемуаристы были непосредственными участниками описываемых ими событий. Использование источников, исходящих как из революционного, так и из правительственного лагеря, обеспечивает объективность исследования.

Ядром народовольческой организации 1888 – 1890 г. стал студенческий кружок самообразования в Петербургском университете, возникший в 1885 г. Его лидерами были Н.Н. Беляев, В.К. Истомина, К.Р. Качоровский. Сестра В.К. Истомина, Н.К. Истомина, организовала такой же кружок на Бестужевских курсах. В него входили А. Разумовская, А. Мясникова, Т. Комягина, П. Виноградова, Ю. Родзевич, М. Ландау. А. Разумовская оказывала помощь политическим заключённым, А. Мясникова распространяла нелегальную литературу, Ю. Родзевич вела пропаганду среди рабочих. В конце 1887 г. объединённый кружок студентов и курсисток был преобразован в революционную организацию. В начале 1888 г. в неё вступил С.Г. Фойницкий. Тогда же организация установила связь с эмигрантами и «милитаристами» – сторонниками тактики военного восстания по примеру декабристов. В 1888 г. К.Р. Качоровский побывал в Пензе, Севастополе и Симферополе, С.Г. Фойницкий – в Белоруссии, Н.Н. Беляев – в Курске, Орле, Москве, Поволжье. В Москве Н.Н. Беляев установил связь с организацией социалистов-федералистов, которая выступала за объединение всех оппозиционных сил в борьбе против самодержавия и издавала газету «Самоуправление». Н.К. Истомина и В. Переверзев распространяли её в Петербурге [1, л. 4–6; 7, с. 151]. В Поволжье Н.Н. Беляев встречался с лидерами костромской народовольческой организации С.А. Островским, А. Волковым и Г.А. Яблочковым и сообщил им о создании революционной организации в Петербурге и о подготовке покушения на царя [5, с. 250]. Таким образом, петербургские

народовольцы установили связь с другими народовольческими организациями.

В ноябре 1888 г. в Петербург приехала С.М. Гинсбург. В начале 80-х гг. XIX в. она участвовала в революционном движении в Петербурге и Харькове, в 1885 – 1886 гг. входила в организацию «милитаристов», после её разгрома уехала за границу и в начале 1888 г. вернулась в Россию с целью организации покушения на Александра III. С.М. Гинсбург восстановила харьковскую организацию и помогла харьковским народовольцам установить связь с П.Л. Лавровым. В Петербурге она встречалась с К.Р. Качоровским и оставшимися на свободе «милитаристами» – П.Г. Душевским и Чижевским и привлекла их к подготовке покушения на царя. В феврале 1889 г. С.М. Гинсбург вернулась в Харьков.[1, л. 6; 7, с. 143–147; 8, с. 259–263]. Группа С.М. Гинсбург действовала самостоятельно. Её связь с кружком Н.Н. Беляева и К.Р. Качоровского ограничивалась личным знакомством с К.Р. Качоровским. Обе организации были связаны с эмигрантами.

26 октября 1888 г. из ссылки бежал М.В. Сабунаев, лидер московского Общестуденческого союза, сподвижник Г.А. Лопатина [2, л. 58]. В январе 1889 г. он приехал в Кострому и с помощью Н.Н. Беляева установил связь с Петербургом. М.В. Сабунаев познакомил С.А. Островского, Г.А. Яблочкова и А. Волкова с программой «Народной воли» и поставил перед ними задачу создания революционных организаций в крупных городах Поволжья, преимущественно из учащейся молодёжи. Г.А. Яблочков вёл пропаганду среди гимназистов и реалистов, С.А. Островский – среди семинаристов. А. Волков поддерживал связь с Ярославлем и доставлял в Кострому нелегальную литературу. Приезд М.В. Сабунаева в Кострому положил начало объединению революционных организаций Поволжья [5, с. 250–251].

Одной из важнейших особенностей народовольческой организации 1888 – 1890 гг. было более активное, чем прежде, участие эмигрантов. Народовольцы, действовавшие в России, и раньше поддерживали связь с эмигрантами, но их деятельность ограничивалась изданием и отправкой в Россию революционной литературы и разработкой теоретических вопросов. В конце 80-х гг. связи эмигрантов с революционными организациями в России стали более прочными, эмигранты участвовали в подготовке террористических актов. Тенденция к усилению роли эмиграции в революционном движении оказалась устойчивой и в начале XX в. проявилась во всех социалистических партиях. Вероятно, она была

вызвана усилением репрессий против революционеров в России и более благоприятными условиями для их деятельности в Западной Европе. Эмигрантская организация возникла осенью 1888 г. в Швейцарии, в Цюрихе. Одним из её лидеров был Н.А. Рудевич, член Союза землячеств и «Террористической фракции партии Народной воли». В конце 1888 г. в Цюрих приехал В.Л. Бурцев, но вскоре он уехал в Женеву. Эмигранты готовили покушение на царя. 22-го февраля 1889 г. при испытании снарядов погиб И.В. Дембо, полиция произвела обыски у эмигрантов, и 7-го мая 1889 г. все, кто участвовал в изготовлении бомб, были высланы из Швейцарии и уехали в Париж. В Париже жили П.Л. Лавров, И.Н. Кашинцев, Э.А. Серебряков, У.Н. Фёдорова, А.Л. Теплов. Объединением парижской и цюрихской групп завершилось формирование эмигрантской организации. Эмигранты издавали и отправляли в Россию нелегальную литературу. В.Л. Бурцев совместно с В.К. Дебагорием-Мокриевичем и М.П. Драгомановым издавал газету «Свободная Россия». Народовольцы совместно с марксистской группой «Освобождение труда» издавали газету «Социалист» [1, л. 2–3, 45; 3, с. 76–77]. В феврале 1889 г. в Варшаву прибыл транспорт, в котором были ответы П.Л. Лаврова и Э.А. Серебрякова на брошюру Л.А. Тихомирова «Почему я перестал быть революционером?», «Вестник Народной воли» и программа эмигрантской организации. О. Денисова доставила литературу в Петербург [1, л. 6].

В программе эмигрантов ставилась задача объединения всех русских революционеров в одну организацию. Конечной целью революционного движения в России народовольцы-эмигранты считали социализм и понимали его как бесклассовое общество, в котором средства производства принадлежат трудящимся. Их ближайшей целью было свержение самодержавия и установление демократической республики, в которой всем гражданам гарантирована свобода совести, слова, печати, собраний, общественных организаций, передвижения. В программе эмигрантской организации рассматривались три возможных пути замены абсолютизма конституционным строем: 1) уступки со стороны правительства и установление конституционной монархии; 2) буржуазно-демократическая революция, совершённая социалистами в союзе с либералами, и буржуазная республика; 3) социалистическая революция и социалистическая республика. Автор программы создавал невозможность немедленного перехода России к социализму. По его мнению, социалистическую революцию могла совершить только рабочая партия. Задачу революционеров он видел в содействии

её образованию. По его мнению, основным направлением деятельности революционеров должны стать социалистическая пропаганда среди рабочих и крестьян и борьба против самодержавия методом индивидуального террора. Эмигранты считали возможным тактический союз с либералами в борьбе за политическую свободу, но выступали против объединения социалистов и либералов в одной партии [1, л. 7–14]. Особенностью программы эмигрантов была непоследовательность в национальном вопросе. С одной стороны, они стремились к созданию таких условий политической жизни, «которые соответствовали бы наилучшим образом потребностям русского народа» [1, л. 10] и признавали право наций на самоопределение. С другой стороны, для них «самое разделение народностей не имеет значения» [1, л. 12]. Следовательно, они признавали своеобразие России и объективное существование национальных различий и в то же время заявляли, что эта объективная данность для них не имеет значения. Они предлагали сохранить единое государство, но преобразовать его из унитарного в федеративное. Автор программы подчёркивал, что «этим элементом федерализма несколько нежелательно подорвать традиции солидарной оппозиции самодержавию и солидарной борьбы против него и укрепить противную всем социалистическим принципам традицию раздельности и враждебности национальностей» [1, л. 12].

Петербургская организация предложила свой проект программы. Его автор – К.Р. Качоровский. Проект К.Р. Качоровского в основном совпадал с «Программой Исполнительного комитета». К.Р. Качоровский проанализировал последствия крестьянской реформы 1861 г. Положительным результатом реформы он считал повышение культурного уровня народа, отрицательными – разорение крестьян и разрушение общины. Причины разорения крестьян К.Р. Качоровский видел в их бесправии, в недостаточности земельных наделов и непосильных выкупных платежах. Крестьянская реформа ускорила развитие капитализма и формирование пролетариата и буржуазии. По мнению К.Р. Качоровского, правительство искусственно поддерживает буржуазию. Народ недоволен утверждением капитализма и разрушением общины. Проявление народного недовольства К.Р. Качоровский видел в крестьянских волнениях и переселенческом движении. Главным препятствием развитию России петербургские народолюбцы считали правительство. Поэтому их ближайшими целями были свержение самодержавия, созыв Учредительного собрания, установление демократической республики, свобода совести, слова, печати, собраний, избирательной

агитации, постоянное народное представительство, всеобщее избирательное право, выборность всех должностных лиц, широкое местное самоуправление. Единственно возможным в данных условиях средством борьбы с правительством петербургские народовольцы считали террор. По мнению К.Р. Качоровского, террор может заставить правительство пойти на уступки и, таким образом, ускорить революцию. Однако он может привести и к усилению реакции. Но когда реакция дойдёт до абсурда, произойдёт революция. Их конечной целью был социализм, то есть передача земли крестьянам, промышленных предприятий – рабочим. Петербургские народовольцы, так же как и эмигранты, считали невозможным немедленный переход к социализму и полагали, что совершить социалистическую революцию может только рабочая партия. Они также считали возможным тактический союз с либералами. По мнению К.Р. Качоровского, основными направлениями деятельности революционной партии должны быть террор против правительства, пропаганда и руководство рабочим движением. Наряду с оценкой ситуации в стране и изложением целей партии проект программы петербургской организации включал в себя и организационные принципы. По мнению К.Р. Качоровского, во главе партии должен был стоять Главный совет, избираемый на съезде. Он формировал редакцию партийной газеты и боевые дружины. Местные организации избирали областные, местные и технические советы. Технические советы формировали технические учреждения. Областные и местные советы вели агитацию и принимали новых членов. Технические советы, технические учреждения и боевые дружины готовили террористические акты. Областные и местные советы, технические советы и технические учреждения подчинялись Главному совету. Он направлял в местные организации своих агентов. Проект К.Р. Качоровского предусматривал также «осторожный выбор членов партии и строгую их ответственность» и «строгое изолирование одной сферы революционной деятельности от другой» [1, л. 14–19]. Таким образом, К.Р. Качоровский объединил организационные принципы, на которых строилась «Народная воля» до 1883 г., и идеи «Молодой партии Народной воли». Идея создания технических советов была новой. В то время она не осуществлялась, однако впоследствии в партии эсеров была боевая организация, хотя строилась она по принципу, значительно отличавшемуся от предложенного К.Р. Качоровским: была полностью самостоятельна в своих внутренних делах, не связана с местными организациями, новые члены принимались по решению комитета боевой организации, а не

избирались местными группами и не назначались Центральным комитетом. Однако мысль об обособлении боевой организации впервые высказал К.Р. Качоровский.

Весной 1889 г. М.В. Сабунаев уехал в Нижний Новгород, затем в Казань. Н.Н. Беляев побывал в Костроме. С.М. Гинсбург готовила покушение на царя. Адвокат Е.И. Кедрин написал воззвание на случай успеха. С.М. Гинсбург случайно оставила прокламацию в лавке и 31-го мая 1889 г. была арестована в Севастополе. Были арестованы также П.Г. Душевский, Чижевский, С.Л. и М.Л. Стояновские и Л.В. Фрейфельд [7, с. 154; 8, с. 265–266]. М.В. Сабунаев, Н.Н. Беляев и К.Р. Качоровский остались на свободе, так как группа С.М. Гинсбург действовала самостоятельно. Летом 1889 г. К.Р. Качоровский побывал в Симферополе, Н.К. Истомина – в Харькове, С.Г. Фойницкий – в Вильно, Минске, Одессе. М.В. Сабунаев и Н.Н. Беляев объехали все крупные города Поволжья: Казань, Симбирск, Саратов, Астрахань, затем Н.Н. Беляев отправился в Харьков, оттуда в Крым. Таким образом, петербургская и костромская организации установили связь друг с другом и с народовольческими группами в других городах. В июле 1889 г. из ссылки вернулся В.С. Гусев. М.В. Сабунаев и В.С. Гусев решили созвать съезд представителей народовольческих организаций. Съезд состоялся в сентябре 1889 г. в Казани. Его участниками были М.В. Сабунаев, В.С. Гусев, А.В. Сазонов, Н.Н. Беляев, А. Трофимов, Л.Г. Осинский. П.Н. Мануйлов, М. Четвергова, Л. Ковязина и Б.С. Гурвич прибыть на съезд не смогли, их представляли М.В. Сабунаев и В.С. Гусев. Съезд принял решение о разделении страны на «революционные округа»: Петербургский, Московский, Волжско-Донской, Кавказский. Белоруссия, Литва, Прибалтика, Польша и Финляндия были признаны самостоятельными областями, не входящими ни в один «округ». За местными организациями признавалось право на самостоятельность во внутренних делах, они избирали местные советы и через них поддерживали связь между собой. Решения съезда не были окончательными, предполагалось через полгода созвать новый съезд. К осени 1889 г. народовольческие организации действовали в Петербурге, Москве, Костроме, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани, Саратове, Астрахани, Рязани, Воронеже, Харькове [1, л. 19-20]. Это свидетельствует о начале восстановления «Народной воли» как общероссийской партии. Её лидерами в этот период были М.В. Сабунаев, В.С. Гусев и Н.Н. Беляев. Они объединяли местные организации и координировали их действия. Так, после казанского съезда М.В. Сабунаев побывал в Москве, Ярославле, Нижнем

Новгороде, В.С. Гусев – в Самаре, Саратове, Москве, Ярославле, Н.Н. Беляев – в Самаре и Казани. В.С. Гусев передал М.В. Сабунаеву саратовские и воронежские адреса. Ярославскую группу организовали М.В. Сабунаев и А. Волков, один из руководителей костромской организации. Воронежская народовольческая организация имела свою типографию. Одним из руководителей воронежской организации был П.Н. Мануйлов, рязанской – В.А. Бодаев [1, л. 19–23; 5, с. 251]. В 1882 – 1883 гг. они входили в Рабочую группу, в 1884 г. вместе с П.Ф. Якубовичем, М.П. Овчинниковым, Н.М. Флеровым и И.И. Поповым были лидерами «Молодой партии Народной воли». Это свидетельствует о преемственной связи народовольческой организации 1888 – 1890 гг. с «Народной волей» 1879 – 1884 гг.

В августе 1889 г. на границе был арестован Б. Гроссман. Он выдал эмигрантов, готовивших покушение на царя. Осенью 1889 г. в Петербург приехал А.М. Геккельман, провокатор, который в 1885 г. выдал дерптскую типографию. Переговоры с ним вели Н.К. Истомина и С.Г. Фойницкий. Соглашение не было заключено из-за разногласий по вопросу о целесообразности террора [1, л. 20–21; 7, с. 153]. Мнение петербургских народовольцев выразил К.Р. Качоровский: «Цель нашей деятельности – прочная постанова террора как системы; цель эта достигается созданием крепкой, достаточно многочисленной и приспособленной к условиям времени и места организации. Последнее ещё не выполнено; поэтому всякую террористическую попытку сейчас мы считаем вредной и не соответствующей целям систематического террора, который, повторяем, мы считаем единственно целесообразным» [1, л. 21].

В мае 1890 г. в Пензе состоялся съезд народовольцев. Съезд принял решение о создании студенческих организаций и усилении пропаганды среди интеллигенции [1, л. 22; 7, с. 150–153]. С.А. Островский организовал во Владимире ученический кружок, который в апреле 1890 г. присоединился к «Народной воле» [5, с. 252].

В марте 1890 г. эмигрантская организация направила в Россию В.Л. Бурцева и Ю. Раппопорта. Однако А.М. Геккельман заранее сообщил полиции об их прибытии, и 12 апреля 1890 г. Ю. Раппопорт был арестован на границе, а В.Л. Бурцев уехал в Лондон [1, л. 3; 3, с. 96–103]. Весной 1890 г. эмигранты провели в Париже новое испытание снарядов. Полиция произвела обыски и обнаружила взрывчатые вещества, бомбы и письма из России. 5-го июля 1890 г. парижский суд приговорил Е.Д. Степанова, И.Н. Кашинцева, А.Л. Теплова, В. Накашидзе, Б.И. Рейнштейна и А. Лаврениуса к трём годам заключения. В России полиция арестовала тех, чьи адреса были

найлены у эмигрантов. Н.К. Истомина выдала всех, кого знала [1, л. 2–4] Все руководители петербургской организации были арестованы. М.В. Сабунаев сообщил С.А. Островскому о разгроме петербургской организации. В августе 1890 г. был арестован В. Панебратцев, 4-го декабря 1890 г. – М.В. Сабунаев, В.С. Турковский, В.Я. Успенская. Полиция произвела обыск у С.А. Островского. После этого он перешёл на нелегальное положение и уехал в Вологду. Н.И. Алякритский организовал там ученический кружок. В феврале 1891 г. Н.И. Алякритский был арестован, С.А. Островский вернулся во Владимир, и в марте 1891 г. его арестовала полиция. По данным В.С. Турковского, по делу народовольческой организации 1888 – 1890 гг. проходило 150 человек. 19 дел было приостановлено, 23 прекращено [5, с. 254; 4, с. 262–263]. Большинство арестованных были сосланы в Сибирь в административном порядке. В 1890 г. суд приговорил П.Г. Душевского, С. М. Гинсбург, М.Л. Стояновского и Л.В. Фрейфельда к смертной казни, которая при утверждении приговора была заменена каторгой.

Таким образом, в конце 80-х гг. XIX в. народovolьцы продолжали свою деятельность. Сохранялась преемственная связь с «Народной волей» 1879 – 1884 гг. М.В. Сабунаев, В.С. Гусев, В.А. Бодаев и П.Н. Мануйлов участвовали в деятельности «Народной воли» в начале 80-х гг. Проект программы петербургской организации в основном совпадал с «Программой Исполнительного комитета». Народовольческие организации действовали почти во всех крупных городах России и поддерживали связь между собой. Особенности народovolьческой организации 1888 – 1890 гг. были более активное, чем в прежние годы, участие эмигрантов и наличие двух центров движения. Инициатива объединения исходила из Петербурга, от Н.Н. Беляева и К.Р. Качоровского, но фактическим лидером был М.В. Сабунаев, руководитель костромской организации. Объединение народovolьческих организаций не завершилось: решения Казанского и Пензенского съездов не были окончательными, не был избран Главный совет, не были приняты программа и устав. Причинами разгрома организации послужили донос провокатора А.М. Геккельмана, обыски у эмигрантов, предательство Б. Гроссмана и Н.К. Истоминой. Следовательно, восстановление «Народной воли» было возможно. В этот период изменились взгляды народovolьцев на национальный вопрос. Особенно заметно это проявилось в программе эмигрантов. Эти изменения отразились на национальном составе организации. В частности, поляки и евреи играли более заметную роль в её деятельности, чем в «Народной воле» 1879 – 1884 гг. Одним из

лидеров петербургской организации был К.Р. Качоровский. Лидером группы, готовившей покушение на царя, была С.М. Гинсбург. Непоследовательность в национальном вопросе была характерна для эсеров. Появились новые тактические и организационные идеи. К.Р. Качоровский впервые высказал мысль о желательности обособления боевой организации. Впоследствии эту идею осуществили эсеры. Следовательно, сабунаевская организация вместе с другими народовольческими организациями второй половины 80-х гг. XIX в. подготовила создание партии эсеров.

Список литературы:

1. ГАРО, ф. 829 «Донское жандармское управление», оп. 2, д. 5
2. ГАРО, ф. 829 «Донское жандармское управление», оп. 1, д. 1178.
3. Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. Т. 1. Берлин: «Гамаюн», 1923.
4. Воспоминания В. С. Турковского. // Народовольцы. М.: Издательство Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931.
5. Из автобиографии С. А. Островского. // Народовольцы. М.: Издательство Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931.
6. Спиридович А. И. Революционное движение в России. Вып. 2. Пг., 1916
7. Фрейфельд Л. В. Из жизни народовольческих организаций конца 80-х годов. // Народовольцы 80 – 90 гг. М.: Издательство Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929.
8. Фрейфельд Л. В. Светлой памяти Софьи Михайловны Гинсбург. // Каторга и ссылка. 1924. №5.
9. Широкова В. В. Партия «Народного права». Саратов: Издательство Саратовского университета, 1972.

ПАРТИЙНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ РУКОВОДСТВО ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ В ЦЕНТРЕ И НА МЕСТАХ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ ДЕСЯТИЛИТИЕ

Чемоданова Татьяна Вячеславовна

к. и. н., Астраханский государственный университет, г. Астрахань

E-mail: tatyana250179@mail.ru

Образование, являясь важнейшим социальным институтом в жизни общества, определяет вектор его развития. В настоящее время приоритетной политической и национальной задачей является создание системы гражданского образования как среды для воспитания информированной и компетентной личности, принимающей самостоятельные решения и способной нести ответственность за свои поступки. В этой связи очевидна роль гуманитарных дисциплин в целом, и общественно-исторических в частности, так как они формируют мировоззренческие установки и вооружают объемом знаний, необходимым для современного, социально адаптивного человека. Обращение к опыту реформирования советского обществоведения, его анализ, позволяет не только выявить причины многих проблем, но и проводить современную образовательную политику с учетом исторических уроков.

Октябрь 1917 г. повлек за собой начало коренных изменений во всех сферах жизни советского общества, в том числе, и в народном образовании. Борьба за новую школу стала «третьим фронтом» после военного и хозяйственного. Партийные функционеры обозначили главную задачу в этой области - «довести до конца дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества» [4, с. 18].

Социалистические принципы будущих преобразований системы народного образования были изложены в программе РКП (б), принятой в 1919 г. на VIII съезде партии. Среди них - «бесплатное и обязательное общее и политехническое обучение для всех детей в возрасте до 17 лет, совместное обучение детей обоего пола, светский характер обучения, полное равноправие мужчин и женщин, преемственность всех ступеней учебных заведений, тесная связь школы с общественно-производительным трудом» [3, с. 42].

Важным условием реформирования образовательной сферы стала политизация учебно-воспитательного процесса.

На II Всероссийском съезде Советов в октябре 1917г. было принято постановление об образовании Народного комиссариата по просвещению РСФСР (Наркомпроса) во главе с А.В. Луначарским. На местах, по мере перехода власти в руки Советов рабочих и крестьянских депутатов, создавались городские, волостные, уездные и губернские отделы народного образования. Важным шагом в формировании общепартийной, а потом и общегосударственной системы руководства идеологией и культурой стало создание в августе 1920 г. Отдела агитации и пропаганды (АПО, Агитпропотдел) ЦК РКП(б), определившей на многие годы принципы контроля за «сознанием граждан».

Одновременно была выработана и сформулирована новая концепция школы. 30 сентября 1918 г. ВЦИК РСФСР утвердил «Положение о единой трудовой школе», а Наркомпрос РСФСР опубликовал «Декларацию о единой трудовой школе». Вместо многочисленных типов дореволюционных школ, законодательно вводился единый тип образовательного учреждения – «единая трудовая школа». Обучение в школе было бесплатным, совместным, обязательным для всех детей школьного возраста, светским [4, с. 133-138].

В неразрывной связи с общей перестройкой структуры народного образования решались и вопросы преподавания общественно-исторических дисциплин. Гуманитарные дисциплины должны были осуществлять социальный заказ государства в идейно-политическом воспитании молодежи. Их первоначальной задачей стало раскрытие смысла и значения проходивших в стране преобразований, объяснение закономерностей дальнейшего развития общества по пути к социализму. Политизированная направленность общественно-исторических учебных дисциплин обусловила неопределенность их задач и содержания, и породила многолетние бесплодные споры преподавателей и составителей программ об их характере.

Первые два послереволюционных года стали временем проведения экспериментов в отношении содержания образования, его форм и методов. В Отделе реформы школы Наркомпроса РСФСР в апреле-мае 1918г. был создан научно-программный подотдел, в структуре которого функционировала отдельная гуманитарная секция. К 1921 г. задача разработки содержания образования была возложена на научно-педагогическую

секцию Государственного Ученого Совета (ГУСа), возглавляемую Н.К. Крупской.

В 1920-1921гг. Наркомпрос РСФСР издал «Примерные программы для единой трудовой школы». Они носили характер необязательных, ориентировочных и наметили тенденцию к отведению истории второстепенной роли.

Одним из показателей «отмирания» истории как самостоятельной дисциплины стало появление дополнительных идеологизированных курсов, направленных на освещение событий современности. В частности, в 1920 г. в школах, согласно постановлению пятого Всероссийского съезда Советов, вводилось обязательное изучение Советской Конституции. В рамках этого крайне политизированного и идеологически выдержанного курса освещались основные стороны общественно-политической жизни и задачи строящегося нового советского общества.

В 1921г., в связи с реорганизацией семилетки, ГУС выпустил программы, в которых историю как учебный предмет окончательно заменили обществоведением, позиционировавшимся как «синтез экономики, права и истории» [5, с. 89]. Обществоведение было призвано помочь учащимся понять советский общественный и государственный строй, непосредственно наблюдая его и участвуя в общественной работе.

Изначально, в течение первого периода становления обществоведения как самостоятельной дисциплины, дело с его преподаванием обстояло крайне неблагоприятно. В 1922 г. Отдел пропаганды и агитации РКП(б) обозначил ряд проблем «коммунистического просвещения в школах». Среди них - отсутствие единых образовательных программ и учебных планов, «разночтения» в многочисленных учебниках обществоведения, трудности с систематической подготовкой и переподготовкой педагогов.

Для изменения ситуации по стране АПО РКП(б) планировалось в течение 1922 г. ускорить разработку Наркомпросом РСФСР учебных планов и программ преподавания обществоведения в школах, составление «красных учебников». Также предполагалось организовать систематическое инструктирование преподавателей общественных дисциплин путем периодических совещаний под руководством государственных органов власти на местах и при ближайшем участии агитпропов парткомов [6].

Новую страницу в истории школьного обществоведения открыли «Схемы программ единой трудовой школы», принятые коллегией Наркомпроса в 1923 г. Система наук фактически

заменялась «жизненными комплексами». Была выстроена четкая структура преподавания всех школьных дисциплин: Природа. Труд. Общество.

На протяжении всей первой половины 1920-х гг. углублялась децентрализация образовательного пространства. Педагоги имели возможность вносить изменения в поступавшие к ним программы, адаптируя их содержание к особенностям региона. Например, школьный совет «Ново-Бурасской ШКМ» Саратовской губернии признал необходимым центр тяжести учебной работы перенести на изучение вопросов полеводства [2]. В Астраханской губернии, вводились программы с «рыболовным, скотоводческим, садоогородническим, земледельческим уклоном» [1].

Процесс становления обществоведения как отдельной дисциплины не мог считаться завершенным без создания хорошей учебно-материальной базы. Учителя и школьники нуждались не только в стабильных программах, но и в учебниках, рабочих книгах, хрестоматиях, дополнительной исторической и художественной литературе.

Первые послереволюционные годы породили дискуссию среди известных историков, методистов, руководящих работников народного образования и партийных чиновников относительно необходимости учебника, его типологии и места среди других возможных средств обучения в созданной советской школе.

С появлением обществоведения в учебных планах школ возникла необходимость издания учебников по этому курсу. В середине 1920-х гг. были подготовлены рабочие книги по обществоведению для 5, 6 и 7 классов. Общее руководство их составлением осуществлял председатель научно-политической секции ГУСа М.Н. Покровский. С 1925 г. стал издаваться особый тип учебной книги - учебник-справочник, в котором систему знаний по основам наук вытеснили «полезные сведения» из области фабрично-заводского и сельскохозяйственного производства. Примером служила изданная в 1925 г. Б.Н. Жаворонковым и С.Н. Дзюбинским, «Подвижная лаборатория по обществоведению».

По-прежнему, оставалось много нерешенных проблем. Качество учебника партийными функционерами определялось его методической стороной и содержанием с точки зрения соответствия господствующей идеологии. Переизданные старые учебники, будучи удовлетворительными методически, не были таковыми идеологически, а большинство новых, наоборот, были удовлетворительны в последнем отношении, но весьма слабы с точки зрения их методической проработки. Многообразие и

вариативность в выборе учебных пособий приводили, в результате, к тому, что педагоги одной школы нередко практиковали использование разных пособий, либо же совсем отказывались от них, предпочитая лекционную форму учебных занятий. Причиной этого была, как правило, необеспеченность учащихся необходимой литературой.

Подводя общие итоги государственной образовательной политики, СНК РСФСР в своем постановлении «О состоянии школ повышенного типа» от 23 июля 1926г. констатировал, что к условиям, задерживающим реформы, относились: отсутствие согласованности в руководстве образованием со стороны центральных и местных органов власти, низкая оплата труда учителей и слабый уровень их подготовки, незначительный приток новых педагогов и убыль старых квалифицированных кадров; отсутствие твердо установленных программ и учебников [4, с. 150]. Данные недостатки планировалось ликвидировать во второй половине 1920-х годов.

Список литературы:

1. Государственный архив Астраханской области. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 3400. Л. 213.
2. Государственный архив Саратовской области. Ф.756. Оп.1. Д.210. Л.65.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2.-М.: Политиздат, 1984.- 494 с.
4. Народное образование в СССР. Сборник документов 1917-1973гг.- М.: Педагогика, 1974. -559 с.
5. Программы для I и II ступени семилетней единой трудовой школы. - М.: Госиздат, 1920.- 350 с.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.60. Д.198. Л. 15.

**«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ»**

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

04 июля 2011 г.

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 15.07.11. Формат бумаги 60x84/16. Бумага офсет №1.
Гарнитура Times. Печать RISO. Усл. печ. л. 6,25. Тираж 550 экз. Заказ 55.

Издательство ЭНСКЕ
630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.
E-mail: enske@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-
макета в типографии ЭНСКЕ
630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.